

ИЗБРАННОЕ

НИКОЛАЙ Задорнов

Владычица
морей

Избранное

Николай Задорнов

Владычица морей

«ВЕЧЕ»

1988

Задорнов Н. П.

Владычица морей / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1988 — (Избранное)

ISBN 978-5-4484-8511-4

В середине XIX века морские державы Европы во главе с Британией – в то время самой богатой и опасной страной с самым сильным флотом – вели ожесточенную войну за земли Приморья и за торговые интересы в Азии. Роман «Владычица морей», вошедший в «Избранное» произведений известного русского писателя Николая Павловича Задорнова (1909–1992), показывает, как трудно было России противостоять могуществу британцев и не допустить завоевателей на восточные территории. Большие усилия приложили для этого такие государственные мужи, как Н. Н. Муравьев-Амурский, Е. В. Путятин, Г. И. Невельской и многие другие.

ISBN 978-5-4484-8511-4

© Задорнов Н. П., 1988

© ВЕЧЕ, 1988

Содержание

Книга первая. ПОСЛЕ ВОЙНЫ	6
Глава 1. Зеленый остров	6
Глава 2. Лондон	13
Глава 3. В Адмиралтействе	22
Глава 4. Возвращение	31
Глава 5. Атлантический ветер	36
Глава 6. После войны	42
Глава 7. Пароход «Америка»	47
Глава 8. Долгожданная встреча с Верой	54
Глава 9. Под весенней листвой	58
Глава 10. Ползуны по скалам	63
Глава 11. В деревне	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай Задорнов

Владычица морей

Знак информационной продукции **12+**

© Задорнов Н. П., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Книга первая. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Глава 1. Зеленый остров

Суровый был ей дан учитель
в науке славы...

А. Пушкин

Облака над морем и над берегом, разорванные ветром, шли белыми горами с плоскими днищами в один уровень, затененными до грозовой сини. В просветах проглядывала озерная голубизна. Солнце прикрыто, видимость в такую погоду отличная, словно умелый фотограф, задержав кое-где сукнами стеклянную крышу мастерской, заполнил ее ровным светом.

И душевная видимость сегодня отличная у лейтенанта Алексея Сибирцева, стоявшего у борта госпитального судна, шедшего из Южной Африки, ясней наблюдаешь в себе при этой прохладной погоде. Казалось бы, уже здоров, а выздоровление, видимо, продолжается. С заключением мира чувствуешь себя свободней. Алексей, как и все его спутники и товарищи, взят был в плен, но потом не считался пленным. Офицеры и экипаж погибшего в Японии фрегата «Диана» были задержаны в море, когда возвращались на немецком бриге. Они оказались потом в Гонконге¹. За минувший год судьба разбросала всех кого куда. Алексей возвращался в одиночестве с надеждой, что скоро попадет домой, оживал после тяжелой болезни; дома стены лечат. Временами он чувствовал себя как маленький мальчик, соскучившийся по папе с мамой и по своему углу. Вера ждет ли, помнит ли? Ведь, когда он уходил, она была почти ребенком, два года от нее не получал писем. Вера выросла, ей скоро девятнадцать. Признаем ли, понравимся ли друг другу? Чем ближе север, тем горячее рвется сердце.

А время идет медленно, и медленно катятся волны моря. Да, и до этого условия были сносные, грех жаловаться, не как у многих других. Про Алексея говорят товарищи, что он в рубашке родился. А болезнь все же была очень тяжелая; холера не шутка.

Долго тянулась волнистая синева берега в белых обрывах, как в солонцах. Проступали готические силуэты церковных башен, крыши ферм, стали разглядываться каменные изгороди. Ветер, сырость, прохлада. После тропиков все походит на петербургскую Россию.

Тускнеет прозелень волн, спокойней светит солнце во внезапно очистившемся небе, в сером по-северному море все больше судов и лодок. Идут они и идут, со всего света, сбиваясь у входов в порты. Такое иногда бывает, когда кончается полоса штормов, ветры разгоняют остатки ненастий и воздух обретает чистоту. Свой привычный климат.

Кажется, что до Петербурга – рукой подать. Там, под столицей, на заводе, ждут родители. Чувствует ли Вера мое приближение? Ветер с севера веет и веет ее девичьей нежностью.

Алексей уверен, что закалился, возмужал, стал старше, и уж не юность манит его, чем взрослей Вера теперь, тем лучше. А если отец спросит: что видел, чему научился? Мама смолчит, обижаясь за сына, неприятны ей будут намеки. Чему же учиться? Мы свое знаем и готовы умереть за веру, царя и отечество. Как в песне поется: «По твоим горам Балканским разнеслась слава о нас».

Подходим к маяку на островке. Алексей помнит это место. Перед островком большая мель, видно ее по мелкой рябой волне со всплесками; есть на карте, названа Лошадиным хво-

¹ Они оказались потом в Гонконге. – Эти события изображены автором в романе «Гонконг».

стом – Horse Tail. Тут есть и Dean Tail – то есть Фалда или Пола Настоятеля Собора, и Dean Elbow – Локоть Декана или Епископа. Кое-где буи, обсыхающие банки, островки. У одного стоит груженная баржа, и с нее сбрасывают камень в воду.

Когда мичманом уходил на «Диане» из Кронштадта, товарищей провожали жены и невесты с цветами и поцелуями, и матросов провожали жены с детьми и юные нежные подруги жизни в платочках с младенцами на руках, обреченные на бесконечную разлуку и нищенство в общих бараках, на долю матросок; яркой простонародной толпой стояли они по стенке гавани поодаль от офицерского общества. А Вера – ребенок, постеснялась приехать к отвалу корабля. В Петербурге на бульваре подарила незабудки, поцеловала, разволновалась и сказала: «Я буду ждать!» Этого было достаточно, чтобы долго Алексей чувствовал себя счастливым. Письма пришли на сибирские порты в устье Амура через год, писала, что ждет и будет ждать, чувствовалась ее вера в него как в идеал. В письмах становилась смелее и старше. Прошло еще почти два года. Временами отходила в глубокую даль, слишком сильны были новые впечатления, и только в глубине сердца оставалась о ней устойчивая память. И надежда, что она юна и чиста и верно сохранит все наши душевные драгоценности; сам он образумится, вернется, и все будет как прежде. Теперь он шел к ней.

Тяжелые муки принял в болезни после трудов, наслаждений, утех, веселья и успехов в Японии, словно в наказание Божье. И в Гонконге. Заболел холерой на переходе оттуда. Долго лежал на корабле, был при смерти и спасен любовью товарищей и аккуратностью врачей. Их жесткий педантизм и порядок обернулись пользой и участием к молодому пленнику.

Потом лечился в Африке на Капском мысу, в умеренном климате.

Казалось бы, теперь все хорошо, но неприятное чувство нет-нет да шевельнется.

И вдруг горячий стыд охватил Алексея. Ведь он не мальчик, соскучившийся по дому, а, несмотря на двадцать два года, бывалый моряк, проживший в разных странах и, по циничному выражению французских офицеров, колониальных прожигателей жизни, «питавшийся» там «местными продуктами».

Сибирцев отпрянул от борта, прошелся по палубе и, бессознательно желая переменить вид перед глазами и настроение, ушел на корму.

Выйдя из-под тента, натянутого еще в тропиках, он увидел зелено-голубую даль моря в солнце; там было тепло, заманчиво, там была пройденная Атлантика.

Там были не просто «местные продукты». Сверстники Алексея оказывались не безропотными и бесправными созданиями. Энн Боуринг была дочерью губернатора Гонконга.

Алексей жил среди разных народов, но с одинаково прочными нервами. Такими были и их женщины.

Но нужно переломить себя, взять в руки. Все забыть.

А пройденная Атлантика посылала привет, напоминала, что еще не все кончено, что еще с океаном рано прощаться, что где-то там, еще дальше, в южных морях, цветущие города на островах, где Алексея помнят и, может быть, ждут. Да, там был Атлантический океан, а за ним целый мир, и он манил к себе заново, напоминая, что годы прожиты не зря, что молодость еще не прошла, что, так долго и настойчиво набираясь сил и опыта, Алексей лишь готовился к чему-то большему, чего еще сам не мог угадать.

Было не просто увлечение, нельзя легко отбросить. Ах, если бы не сказал «да», отвечая на вопрос Энн, по сути, в такой решающий миг, когда означало, что дал слово, равно клятве. Нужны силы, чтобы теперь обрести себя, найтись. Неужели я так раним, что при воспоминании об Энн Боуринг чувствую стрелу в пятую?

Но может ли он забыть ее и вернуться к дням юности? Неужели это лишь инерция, привычка стремиться домой, к заданной цели...

Я обязательно вернусь к себе. Я так решил, возврата к слабостям не будет.

Алексей перешел обратно на старборт и стал смотреть на север. Корабль уже в заливе. Яхты падали остриями парусов на стороны, по всей его сини. Издали подступают форты и стены Портсмутской крепости. Церкви на берегах, мокрые газоны на крепостных валах блестят после дождя яркой зеленью, как шелка. И всюду зелень, леса и парки.

А ведь я подхожу к берегам, где выросла Энн, к стране ее детства и юности. Подплывающий остров напоминал о ней. Форты и стены вставали между Алексеем и Петербургом. Через них еще надо перейти в прямом смысле, и, образно говоря, тут еще многое придется передумать и перебороть в себе, прежде чем вернешься домой, в свой былой мир.

«Если поплыл на корабле, то уж обратно не вернешься!» – вспомнилась японская пословица.

Тогда был тяжкий день, когда владеть собой и даже отвечать за свои поступки невозможно, я был разбит, раздавлен. Гонконг праздновал победу над Севастополем. Для наших пленных известие было ужасным, ошеломляющим.

Но ведь порядочный человек и в час тяжких испытаний должен таким и остаться.

Энн чуть моложе Алексея. Знакомство началось на докладе в научном обществе. Потом они встречались, чувствуя себя ровесниками. Она не светская неженка, учит китайских детей в школе, говорит на их родном языке, читает иероглифы. Иногда помогала Алексею.

На параде, заметив опечаленного Алексея в толпе ликующих, Энн все поняла в мгновение и, как рыцарь, очертя голову бросилась на выручку. Она увлекла Алексея прочь из толпы и прочь из города. Они ушли на яхте. Она была нежна, как мать, а страсть оказалась так близка.

Энн пожертвовала собой ради его спасения. Верила ли она себе и мне? Она не думала об этом.

Она умело завязала разговор о его сыне в Японии. Цельная, искренняя натура.

Энн отбросила свойственную ей застенчивость, вся в трепете, но преисполненная решимости с жестокой беспощадностью к себе, с какой они воюют, а может быть, и грабят, или спорят... Какая у нее оказалась сила, отчаяние и зрелость.

...Она сказала, что пойдет в Японию и найдет его сына, что для нее в Азии нет ничего невозможного.

Освеженный ветрами морей и любовью, Алексей обрел силу. Горе тому, кто оскорбит эту доверчивость, поэтому, видно, так нехорошо теперь на душе.

Ее отец – посол в Китае, губернатор Гонконга, самой богатой и при этом самой злодейской и воровской из всех колоний. Сэру Джону предстоит война, расправа с Китаем. Но он, как казалось Алексею, по-своему гуманен и не похож на злодея, и предстоящее предприятие ему не по душе. Но он решителен. И он уверяет, что слишком оскорблен мандаринами. Может быть, там уже началось. Пока мы шли из Африки, известия о вспыхнувшей войне могли достигнуть Лондона через Суэцкий перешеек и далее по австрийскому телеграфу.

Но больше всего Алексей желал сейчас возвращения домой и хотел бы на все закрыть глаза и все забыть. Время излечит. Казалось бы, уж начали затягиваться душевные раны. Если бы не этот промах. Он дал ей слово! Но промах ли? Может быть, я не мог иначе? Все остальное пусть как было, но сказанная фраза, произнесенное признание. Но разве во фразе дело... Подлость?

Но разве с другими не бывает чего-то подобного? Разве сильные молодые люди в плаваньях не сносят все стойко и терпеливо? И неужели она встретит японку Оюки и найдет моего сына?

Но слова – это только слова Я не смею придавать им мистического значения. Я должен прислушаться к себе, понять и решить, чего я хочу. А я это знаю. Я рвусь домой. Я должен возвратиться к себе, к Вере, цель моя ясна, и я совладаю с собой. Пусть это сочтется преступлением, но еще большим преступлением было бы решение поступить лишь ради данного слова и этим обмануть и себя и всех.

Очень может быть, Энн поступила не из чувства, а из убеждений. Она проявила высшую степень независимости и риска, желая спасти его. Но потом она спросила: «Могли бы вы жениться на мне?» Это было очень наивно, почти по-детски. Она не обнаружила гордости или разочарования. Уязвленная гордость еще может явиться в ней.

В своей бесчестности я должен притвориться, что поступаю честно? Или честней не перекладывать все на Веру, а сохранить тайну в себе, перебороть ее, справиться самому, как настоящему мужчине. Не прибегать к ее суду, зная, что простит и примет на себя грех и тяжесть, себе на муку.

А на палубах полно: выздоравливающие и здоровые, команда и прислуга, белые, негры, индусы и китайцы.

Подплывает гучный форт со скошенными стенами.

Начинается прилив. Ряды темных амбразур, таящих жерла орудий, оседают, проваливаются, словно прячутся в воду. Атлантический прилив налетает, как шторм, его первая волна бьет в каменную стену с ураганной силой.

Госпитальное судно в кильватере кораблей, давая гудки, входило в пролив, глубоко врезавшийся в холмистые побережья. Форт с заплескавшими вокруг него волнами ушел за корму. Виден Спитхедский рейд с военными кораблями. Ничего не скажешь, движение большое, флот хорош. Но защита подходов к этой твердыне не очень крепка. Раненые офицеры, возвращавшиеся домой, уж говорили Алексею, что до сих пор полагались на свои корабли, а не на береговые укрепления, а теперь, после того как видели они Кронштадт и Севастополь, пора все менять, строить батареи на мелях среди моря, прикрыть надежней Портсмутский залив, чтобы вход простреливался. Опасаются своего же недавнего союзника, которого меж собой называют Бонапартом Малым, больше страшиться пока некого. В Гибралтаре брали раненых из Крыма. Офицеры рассказали много новостей. Войска из Балаклавы и Севастополя отправлены в Гонконг и в Индию, там восстание. В Крыму больше неприязни испытывали к союзникам, чем к русским. С Алексеем держались просто, узнали, что плавал на британских кораблях в Китайском море. Нашлись общие знакомые.

При этом, как знал Алексей, долгу своему послужить умеют, в деле оказываются опасными противниками, обнаруживают единство с союзниками. Полагаться на их разногласия нельзя, и нельзя питать никаких иллюзий, как бы благожелательны ни были. Народ, привыкший к морским ветрам и устойчивый к переменам погоды. Море их растило и воспитывало веками. Знают, что без опасностей не проживешь. Умеют воевать, знают хорошо оружие. Еще герцог Веллингтон, победитель Наполеона, говорил: «Мы насильно хватаем парней из городского отребья, а превращаем их в образцовых солдат».

Вокруг выздоравливающие из Китая, Индии, Африки, участники подавления индийских смут, зулусской войны. Со многими перезнакомился Алексей, единственный русский среди них.

Есть тут и «цветные» офицеры, по большей части пенджабцы. Есть и пассажиры: царек из Африки, со своей свитой в белых хламидах.

Вчера капитан корабля сказал Алексею, что два года не был дома, не видел жены и детей. Судно мобилизовано на время войны. Теперь опять пойдет на коммерческие линии. Сказал и ушел в сдержанной озабоченности во тьму палубы, в сеющий теплый дождь.

А кораблей все больше. Купцы идут с моря и уходят в плавание. Под флагами разных стран, чаще всего попадается Union Jack, флаг Соединенного Королевства. Американский гигант, как сам Новый Свет, под звездным флагом, сбавляя ход и пыхтя сильной машиной, держит курс в вершину пролива, к коммерческому порту Саутгемптон. Идет при полной загрузке, набит товарами до отказа. Как всегда, военное дело живет у британцев в согласии и соседстве с торговлей.

Брат Джонатан, так называли в Англии американцев, гулко затрубил, приветствуя форты и берега, когда-то выжившие, изгнавшие отсюда его святых предков. Как бас-солист в хоре труб со всего мира. Чем не торговля и промышленная реклама Соединенных Штатов.

Слева по борту – пароход с пушками, стоит на якоре. Справа по борту, за ползущей мимо крепостной стеной, возвышается башня кафедрала Святой Девы Марии. Там, напротив нее, в улочке, есть таверна, куда якобы захаживал Нельсон. Впрочем, тут во всех портах многие таверны этим заманивают моряков. Когда на «Диане» пришли сюда впервые, то молодежи все казалось очень далеким от Кронштадта и надолго покинутого Петербурга.

Дальше, справа по борту, от низкой арки в крепостной стене отходит и тянется длинный Королевский Мол, как проспект из серого камня, проложенный высоко над волнами. На окончании мола опускаются в море каменные трапы в несколько пролетов, по которым королева во время морских парадов сходит на катер. Строен с запасом, с расчетом на здешние перемены глубин. Волны прилива уже накнулись на каменные лестницы, стали заглатывать их, втянули весь нижний пролет.

Трехпалубные деревянные линейные корабли «лежат» на якорях. Паровые фрегаты стоят борт о борт, в сплошной блеск сливаются их новые стальные орудия.

– Sir... Captain...² – сказал матрос, подойдя к Сибирцеву. Зачем-то приглашали наверх, в рубку.

– Посмотрите, идет «Гималайя», – встречая Алексея, сказал моложавый капитан, показывая на море. Сибирцеву подали «шпионские стекла». Алексей увидел в овале бинокля шедший к выходу под парами многомачтовый корабль, набитый людьми, длинный и, право, похожий на Гималайский хребет.

– Гигант и быстроходен. Четыре тысячи тонн и машина в тысячу лошадиных сил. Двойной винт. Работал на индийской линии, мобилизован в войну, произвел такое впечатление на Адмиралтейство, что купили для перевозки войск.

Опять британцев куда-то везут на войну...

– Есть еще судно «Great Eastern»³, – продолжал капитан, – чудовище в девятнадцать тысяч тонн. Шесть мачт. Самое большое в мире. Двигается одновременно колесами и двумя винтами. Четыре тысячи лошадиных сил. Но оказался неудобен для коммерции, идет пять-шесть узлов, вдвое тише, чем предполагалось.

С Алексеем все дружелюбны, обращают его внимание на что-нибудь интересное, показывают новинки. Но он не смеет обольщаться. И не только потому, что по неписаному уставу он обязан соблюдать сдержанность с недавними противниками, тем более с англичанами. Алексей знал и другое, что если с ними заговоришь о России, о том, что делается внутри нашей страны, о крестьянах и, уж не дай бог, о казаках, то неизбежно вызовешь молчаливое отвращение. Это все не для них. Даже русское искусство, литература, театр их не интересуют совершенно, словно их и нет. Тут можно жить только их интересами. Они принимают Алексея как европейца, близкого себе по цвету кожи и привычкам, и только так. Кажется, в нем усматривали исключение, зародыш противовеса нашему самодержавию. Он улавливал и такие нотки, хотя ни единого плохого слова о России не приходилось слышать.

К тому же сам он страстно желал вернуться домой и забыть все, что произошло в Гонконге. С Японией, кажется, проще, но это, может быть, только кажется.

С левого борта видна другая сторона пролива, остров Байт. Башня нового королевского дворца возвышается над лесом. Виктория и ее муж принц Альберт живут напротив морской крепости, рядом с флотом. Виктория, как говорят, предпочитает эту резиденцию Виндзору и Букингему. Ради детей, безопасности, отдаления от возможных городских бунтов.

² Sir... Capitain... – Сэр... Капитан...

³ «Cereat Eastern» – букв.: «Великий Восточный» (англ.).

Офицеры, радуясь близкому дому, говорили с Алексеем оживленной и все показывали. Да Алексей тут и сам был и многое помнит. На Вайте веселые курортные городки с театриками, где офицеры весело проводили время, и со множеством магазинов и лавок, купания на отмелях, а дальше, наверно, фермы, рощи, стада молочного скота, поля, сады и огороды. Есть и особняки, и дворцы, сдающиеся внаем. Любимые места летнего отдыха аристократии. «Эгоистическая чистота», как говорят наши русские, бывающие здесь.

А вон городок Каус: на мысу, на бугре, много низких красных черепичных крыш, издали похожих на божьих коровок. Над ними видна гордая башня знаменитого королевского яхт-клуба. Каждый июль съезжаются сюда яхтсмены. И наши высочайшие особы тут как свои. Царь Николай до войны был избран лордами президентом этого яхт-клуба и, гоняясь на яхте вокруг Вайта, взял на регате первый приз. Вон и двенадцать медных пушечек на широкой полукруглой террасе у подножия лестниц яхт-клуба чуть поблескивают у пролива.

Все это вместе на обоих берегах и есть Портсмут – английский Кронштадт, святая святых владычицы морей. Военно-морской гигант, откуда выходили эскадры на все войны; корабли, одержавшие победы в Средиземном море, Атлантическом океане и Ла-Манше. Со Спитхедского рейда ушел Нельсон на своем трехдечном девяностопушечном «Виктори», одержавший победу при Трафальгаре и павший на палубе своего корабля, смертельно раненный под конец битвы. До сих пор англичане винят в коварстве своих бывших противников, утверждая, что те метили в храброго адмирала, мстя за свое поражение. «Терроризм чужд британцам, это не способ наших действий, – говорят они, – мы никогда не бьем противников на выбор». Со Спитхеда и в эту войну эскадры ходили на Кронштадт, Свеаборг и под Севастополь. Тут обитель наших недавних противников, чьими чувствами к России мы не смеем пренебрегать. При виде всего этого и в нас может вспыхнуть отвага русских витязей и память о нашей тысячелетней истории, напоминая о долге и военной чести. Как оборотная сторона выставленного напоказ могущества, Алексею в белизне стен и замков Портсмута чудится Энн с ее крахмальной чистотой, осознанным гуманизмом и верой в людей.

«Но ведь это колониализм, Алеша», – скажут единомышленники в Петербурге. Наташа, сестра Веры, например, осмеет меня. Ее идеал – это беспощадная борьба, уничтожение эксплуататоров, врагов человечества везде и всюду. «И тут, Алешенька, не до сантиментов и не до любования красотой усовершенствованных машин и оружия! Как ты все это совместишь, дружок, в своей душе? Разве ты только начинаешь жить? Пора уж было что-то выбрать. Вспомни о голодном человеке!»

Но сейчас невозможно не думать об Энн. Это юное создание с сытыми щечками барышни-англичанки может показаться легкомысленным. Но лишь на миг. Она далеко не проста. Учительница китайских детей в миссионерской школе, автор статей о нравственности китайского народа в журналах Лондона и Эдинбурга. В ней сила духа и стремление к справедливости. Под мощью такой благоустроенной власти и богатства здесь смеют протестовать, желать равенства для всех. У нас самих власть сильна, а военная сила, несмотря на поражение в войне, гораздо могущественней, муштра свирепей, требования к своему народу беспрекословно подчиняться, даже в ничтожных мелочах, жестче и бессмысленней. Что же нам винить их и замышлять для них изменения, когда перед самими непочатый край? Капитан «Дианы» Степан Степанович Лесовский, бывало, так говорил: «Англичан не учите, они сами знают, что делают».

Пройдя портсмутские твердыни, судно вошло в вершину залива.

Вот и Саутгемптон. Масса каменных домов, огромные деревья парка. На берегу непривычно много белых людей. Зелень как в колониях, а нет негров, индусов, китайцев, японцев, масса белых лиц, какое-то белое меловое население, как скалы прибрежных обрывов острова.

Алексей на берегу. Вокруг якорные цепи и канаты уходят в воду. Высокие борта и красные кирпичные пакгаузы. По трапу сошли сначала здоровые, потом сводили и сносили ране-

ных. Рядом, с новенького нарядного парохода, выгружаются пассажиры из Франции. Дамы и барышни в шляпках и легких пальто, дети в мягких платьях и курточках, опрятные господа в цилиндрах. Подъезжают кебы, носильщики тарахтят тележками по камням.

Подали пароконные военные повозки. Из-под навеса на улице Алексею видны только вывески на нижних этажах. И каких тут только нет! Вокруг белые люди, одни лишь белые, и после колоний и плаваний это как-то странно.

В колониях белые редки, и среди массы цветных белизна их рук и лиц кажется слабостью. Негры, китайцы, индусы представлялись закаленными солнцем и невзгодами.

Белый не в силах так долго голодать, как негр или китаец, он изнурялся и погибал. Алексей видел в Африке и в Америке, как негры подолгу могли не есть и сохраняли работоспособность, как в Кантоне и в Гонконге терпеливо и безропотно сносили невзгоды китайцы. Когда белый в пустыне погибал от жажды, негры стояли длиннейшими очередями, терпеливо ожидая, когда ночью для спасения их подвезут бочку, чтобы получить по чашке воды.

Белые выдавались своими модными цилиндрами, сюртуками, пробковыми шлемами, стеками, библией, стеклами биноклей и очков, верховыми лошадьми. Они сохраняли положение своими знаниями, совершенным оружием, гимнастической ловкостью и быстротой соображения и оставались просветителями и пугалами. Многие белые, подолгу живя в тропиках, загора и закалялись, принимая вид и крепость «цветных», и не желали возвращаться в свои дымные, болотистые отчизны. Они растворялись в огромном мире, нарождались целые народы метисов.

Сплошь и рядом нервные, чувствительные европейцы обучали колониальных рабов защищать свои права, возбуждали «цветных» на восстания против своих же белых.

Но как горсть слабых белых управляла целым миром и наводила всюду порядок!

Алексей решил, что отсюда напишет Энн, теперь у него ясней голова, нет слабости и путаницы в мыслях, нет страха угасания и припадков отчаяния. Он трезвым умом смотрит на все, хотя врачи твердо говорят, что ему еще надо лечиться. Он напишет ей еще раз, в последний раз. Подумал, что тогда, в Гонконге, на яхте, в день получения вести о падении Севастополя, среди моря и солнца он, казалось, поддался порыву. Но может быть, если бы теперь пришлось пережить все заново, то сказал бы искренне и то же самое. Просто напишет, где он и что с ним. Без всяких объяснений и признаний.

А через два дня, проведенных в больничном бараке для офицеров, Алексей Сибирцев, как дипломат, попавший по ошибке во время войны в плен, был отправлен в Лондон в один из лучших госпиталей.

...Паровоз загудел, и каменный Портсмутский вокзал, похожий на ферму в роще, стал отходить вместе с белыми лицами на перроне.

Глава 2. Лондон

Нет города в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон...

Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки. Здеишняя жизнь, так же как здеишний воздух, вредна слабому, хилому, ищущему опоры вне себя...

А. Герцен. Былое и думы

В полупритворенное окно слышался щебет птиц. Ниже рамы, в ветвях большого дерева засвистал соловей. Хорошо в цветущем саду, а не хочется выходить. Вокруг люди, а поделиться не с кем. Слушать соловья, как в Японии, и почувствовать себя еще более одиноким. Сказать некому, что на душе.

Облокотившись на колени и подперев кулаками скулы, Алексей сидел в госпитальной палате, уставившись в стол, словно читая книгу. Соседи по палатам на свежем воздухе, наслаждаются на королевских газонах, среди дубов и буков.

В тихом пустом коридоре бывшего дворца слышались гулкие шаги по мрамору, словно скакал двуногий конь. Дверь распахнулась. Алексей вскочил, как матрос по свистку боцмана, и очутился лицом к лицу с джентльменом своего возраста.

– Лешка, ты? – вскричал по-русски англичанин и улыбнулся, подняв уголки рта, стиснув зубы, и оскалился, как собака, бросил цилиндр и распахнул руки в широчайших рукавах модного пальто.

– Колька! – остолбенел Алексей.

Эванс! Товарищ по петербургской гимназии. Колька!

Раньше всех прознал дорогу в петербургские бильярдные. Прежде всех в классе начал курить. Добывал для сверстников мелкую контрабанду.

Когда-то, еще не зная, что Колька англичанин, Алексей заметил на уроках рисования, что у этого подростка необычайно правильные черты лица и форма головы, по виду он благороден и совершенен, при этом ловок до невероятности.

Однажды, когда стали постарше, Колька продал Леше барабанный пистолет за пять рублей. Барабан оказался неисправным, но соблазн был так велик, что Леша взял. Потом перед переходом в морской корпус выбросил его в Неву.

Колька первый среди подростков-петербуржцев прознал про опиум и показывал, как его курить. Вот еще когда! Вот куда дошло, теперь, побывав сам в Гонконге и Кантоне в опиокурилках, Алексей понимал, что все это означало и каков еще тогда был у Эванса торговый размах. А сам Колька ходил в потертых гимназических брючишках.

Эванс сбросил пальто. Галстук, сюртук, жилет, все на нем с иголочки, по последней моде, но с оттенком неряшливости, кажется – означает высший шик викторианской эры.

– Что ты меня осматриваешь?

По выговору, по размашистым объятиям и троекратному поцелую трудно представить себе более русского.

– В газете я прочел твое имя в списках прибывших в Саутгемптон из Африки. Я помню, что ты уходил в Японию к Путятину.

На столе появилась сигарочница.

– Так ты не ранен? Чем ты болен? На вид ты здоров, – сидя рядом и обнимая Алексея, спрашивал Эванс – Ну, я твоему горю пособлю. Взгляни на себя: руки-ноги целы, голова на месте.

Алексей сказал, что ждет писем, хотел бы поехать в город, но его не выпускают.

– У тебя не было неприятностей в Гонконге?

– Были. С военной полицией. За то, что ездил с американцем в Кантон.

– Из-за этого тебя не будут здесь задерживать. Они такими пустяками не занимаются. Тем более из-за Гонконга, откуда еще никто сухим из воды не выходил. Будь что-то серьезное, тебя бы давно повесили или уморили. Но ты мне заговариваешь зубы с полицией.

– Больше ко мне никаких претензий не было.

– Ты врешь и не краснеешь.

– Тут не надо быть детективом...

– Англичанка?

– Да.

– На какой же адрес ты ждешь?

– Я написал с Мыса. Из дома могут писать на посольство.

– Моя жена ждет нас в семь часов вечера к обеду. Ты досыта наговоришься с ней, она москвичка и говорит слегка на «а»; очень мило. На свете нет жен и матерей лучше русских. Это знают на Западе и на Востоке, но не в Москве и в Петербурге, где русские женятся черт знает на каких обезьянах. И ты не думай, что англичанка – это что-то особенное. Мой отец всегда хотел, чтобы я женился на русской.

– В госпитале я подчиняюсь заведенным правилам.

– Я тебя вызволю из этой путаницы. Помнишь, как ты играл в бильярдной с мошенником и мы с Собачниковым тебя вызволили? Уже тогда тебя все тянуло к морю. Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Инвалиды у ворот, узнав, что я разыскиваю русского, стали рассказывать про твои приключения в Японии и Китае и что тебя не признают пленным. Они гордятся, что у них без права выхода за ворота сидит такой русский. Видно, по госпиталю о тебе ходят лестные слухи. Не хотел бы ты убраться отсюда поскорей?

– Но как это сделать?

– С твоей репутацией ты можешь оказать больше пользы англо-русским отношениям, чем немец Бруннов... Настоящей пользы. Пока ты увлекался и совершал открытия в восточных морях, наша с отцом фирма втягивалась в новые виды бизнеса... ну, я тебе задам тот же вопрос, что, наверно, ты уже слышал от янки, которые помогли тебе в Гонконге.

Сигары и сигарочница исчезли со стола. Эванс положил на скатерть свои костистые белые руки, как бы открыто и всерьез приступая к основательному делу.

– Как твои денежные дела?

Алексей получал небольшое ежемесячное содержание от военного ведомства. У Эванса все средства в обороте, Николай занять не может. Война принесла убытки, но фирма не прогорела. Русский торг, как и многие фирмы, частично продолжали через третьи страны. Теперь восстанавливаются прямые торговые связи. Молодому Эвансу скоро ехать в Петербург. Начнется возмещение убытков. На учете каждый шиллинг.

– Но далеко не все доходы фирмы из России. Как говорят французы: «Нельзя все яйца класть в одну корзину». Паровозы успели переконструировать. Отец продал их в Канаду, чем поднес дулю янкам. Я получил хорошие знания по математике и физике в петербургской гимназии... и по коммерческой арифметике... в Крыму пошло к падению Севастополя, а отец и сын Эвансы готовились к поставкам для России. У фирмы все до гроша рассчитано. В Англии я как англичанин. Но это не значит, что у меня нет совести. Речь пойдет о ссуде. Необходимо получить заем в приличном банке, под ручательство. Вот тут Эвансы неоценимо полезны.

– Отец хотел выслать мне деньги... Я могу ждать...

– Тебе нельзя рассчитывать на деньги из Петербурга. Поживи в Лондоне. Деньги нужны немедленно. У тебя есть костюм для выезда?

– Мне сшил портной-индус на Капском мысу для Лондона. Я переоденусь и...

– Но все так просто не делается. Нужен апломб, престиж фирмы, цилиндр и галстук. При тертых брючках по канону дендизма! Самое главное: хорошо завязанный галстук и тертые штаны.

Колька присел, показал, что брюки почти протерты на коленях, потом ловко повернулся, забрал фалды сюртука и показал брюки с другой стороны. Все цело, но лоснится, потерто изрядно, и сам он явный спортсмен.

– «Как денди лондонский одет!»

Молодые люди расхохотались.

Эванс пошел к докторам. Алексей вызвал служителя. Он был одет, когда Эванс вернулся с позволением ехать в Лондон.

– Ты думаешь, в королевском госпитале не как в Гонконге? Ах, не так, конечно! Но бывает! Они не ждали, что у тебя такая фирма в покровителях. Военное ведомство не задевает коммерческие интересы. В торговом городе, который защищают, сами беззащитны!

Побывав у отца Эванса в конторе и закончив в этот день дела в Сити, Эванс и Сибирцев пошли пешком, направляясь к берегу Темзы.

Дождь рассеялся. Сложили зонтики. Перешли улицу с потоками экипажей.

Ветер разгонял облака и при солнце быстро сушил мостовую.

Вошли в парк около башен парламента. Вдоль прибрежной аллеи расставлены скамейки, некоторые на возвышениях из досок, как на ящиках, можно подняться, посидеть и полюбоваться движением на Темзе.

– Давай присядем.

– Можно присесть, – согласился Алексей.

Схваченные чугуном гнутых подставок толстые плахи были сухи от ветра. Скамьи просты, демократичны по замыслу и грубы на вид, но крепки, вечны. Перед лицом сидящих стоят стоймя высокие и толстые каменные плиты продолжающейся вверх облицовки берега. За ними, совсем рядом, кажется, рукой можно достать, идут мачты с парусами и трубы пароходов. Воды не видно; кажется, что Темза высохла, внизу не река, а суда идут посуху. Близка другая сторона реки с разномастными зданиями.

Эванс поднялся и подошел к парапету.

– Подойди сюда, – позвал Алексея, – посмотри.

Отсюда видно, что Темза вздулась, ей тяжело, вода за каменным поясом парка совсем близка, как на Неве, когда ветер с низовьев. Темза спешит, как хорошая ломовая лошадь, идет быстро, сжатая городом, стесненная и переполненная тяжелыми кораблями.

– А теперь посмотри налево, на здание парламента. Со стороны реки парламент стоит прямо в воде. Так построено, чтобы парламент никогда и никем не мог быть окружен.

Алексей обежал взглядом обросший водорослями и озеленевший слепой каменный отвес здания внизу, у волны, и посмотрел вверх. Он всматривался в это здание с украшениями и башнями. Все сложно, наново впечатления тяжелы от искусно обработанных и художественно уложенных масс камня, поднимающихся к небу. Готические крыши в черепице и металле неодинаковые над разными частями здания. Они спорят, пересекаясь линиями друг с другом, как бы выражают вечные разногласия, бушующие под ними. Стрельчатые башни, повторяя окна, стремятся ввысь. Налетел ветер, нагнал тучу, дождь. В парке в эту пору совсем пусто. Неподалеку за деревьями знаменитый собор Вестминстерское аббатство.

Вышли на улицу. Взяли кеб. Поехали в русское посольство.

– Ты с ума сошел. Зачем тебе какая-то кантонская клирошанка, когда в России столько прекрасных девиц хорошего воспитания не могут найти среди молодых людей порядочного жениха и на них охотится всякая нечисть, отбросы из разных стран: только бы прирасти к вам. Французишки из Бордо... Своей сухопарой справедливостью моя соотечественница задурила тебе голову? Говорила она тебе о равенстве прав человека?

– Говорила.

Эванс расхохотался и тронул возницу тростью, давая знак поворачивать направо.

– Она еще юна, – тихо заметил Алексей, – совсем.

Сказал о предполагаемой поездке Энн, сказал, что он отговаривал, но она идет на риск и хочет отправиться в Японию по его «делу». Эванс что-то постиг. Так заявлять может лишь леди высокого достоинства, из семьи значительного чиновника, official, которая имеет право на собственное мнение и независимые поступки. Возможно, Алексей также не очень прост.

– Перед войной Пальмерстон, под предлогом борьбы за права человека, разжег необычайную ненависть к России. Виктория пыталась сопротивляться. Королева – ваша родственница. Некоторое время уклонялась. Премьер-министр уличил ее мужа-немца в непатриотизме и поставил ее в безвыходное положение. Он припер королеву к стенке. Лорды объединились с бакалейщиками и газетными литераторами, и страсти забушевали. Все разъярились против царя и тирании. Даже дети были преисполнены политических чувств. Мой трехлетний сын узнал, что его мама русская, схватил игрушечную шпагу, глаза его побелели, и он стал нападать, пришел в неистовство. Русская! Русская! Я выпорол его ремнем, он стиснул зубы и не сдавался. Я выпорол его розгами, но он так и не разжал зубы. Ты знаешь пословицу: пожалеть розги – испортить ребенка. А вечером залез к матери в постель и горько плакал и жаловался ей, забыв, что она противник в войне.

В русском посольстве решетчатые литые ворота распахнуты. У подъезда рабочие снимают чехлы с чугунных двуглавых орлов. Служащий-англичанин, наблюдавший за работой, любезно объяснил на французском вошедшим во двор Сибирцеву и Эвансу, что посольство открыто, с пароходом прибыли с континента двое дипломатов: Толстой-Кутузов и Остен-Сакен.

Алексей увидел барона. Он стоял вдали в саду. Остен-Сакен узнал Сибирцева, обрадовался и поспешил к нему. Они сверстники. Знакомы по Петербургу, встречались на лекциях путешественников в Географическом обществе. Из главного белого здания посольства по ступенькам спустился Толстой-Кутузов. Оба дипломата в штатском, в крахмальном белье и без казенных пуговиц.

Все перезнакомились и разговорились. Эванс переменялся. Алексей не узнавал его.

Прошли по саду. Англичанин-садовник стрижет кустарники. Дорожки выметены и посыпаны песком. На свежих клумбах высаживают цветы. Громадные кусты рододендронов в цвету. В открытые ворота въезжает ломовая телега с землей и с ящиками рассады.

– Видно, за время войны за зданием и садом присматривали, – сказал Алексей, – следов запустения нет.

– Филипп Иванович Бруннов, покидая Лондон, обо всем позаботился, – ответил Остен-Сакен, – оставил дом и сад в надежные руки.

Перешли в здание посольства и уселись в комнате второго этажа с распахнутыми в сад окнами.

Подали чай. Эванс с чашкой устроился на диване, на самом краешке, поставил ее на колени, быстро выпил, оставил чашку и закурил.

– За многие годы, проведенные в Англии, Филипп Иванович отлично зарекомендовал себя, – продолжал Остен-Сакен. – Был принимаем ее величеством королевой Викторией, оставался близок с виднейшими государственными деятелями, был всюду зван, знал ученых и промышленников – словом, был свой человек, которому все доверяли, он верил в незыблемость отношений России с Великобританией. Войны не желал, не верил в нее, конечно, испытывал ужасные огорчения, был потрясен переменой в политике.

– Прибудет ли... его превосходительство... господин Бруннов? – спросил Эванс.

– Да, на днях Филипп Иванович прибудет на некоторое время, ну, как бы это сказать... для установления новых отношений... Он назначен послом в Берлин. Лучшего знатока Англии,

чем барон Бруннов, трудно найти. Англичане сами пожалеют, – добавил Остен-Сакен, вопросительно глянув на Эванса.

– О да, да... – глубокомысленно отозвался Колька, сидя закинув ногу на ногу и держа сигару так, чтобы пепел сохранял ее форму не падая. Казалось, ноги его стали еще длинней, а гимнастическая худоба подчеркивалась жестикуляцией и энергичными телодвижениями. Видно, что он часы проводит на лошадях или с мячом и дубинками на лужайках.

Алексей не ошибся, предполагая, что Николай тут не зря, не только из чувства товарищества. У Эванса нашлись дела. Как говорится, едва дипломаты переступили порог, как он тут как тут. Далеко пойдет.

Оба дипломата заинтересовались Эвансом. Они буквально впились в него. Торговля России с Англией и для них сейчас на первом месте.

Эванс отвечал сквозь зубы, произнося русские слова с сильным английским выговором и как бы с трудом подбирая их. Букву «л» выговаривал грубо, твердо, ошибался в ударениях и тщательно произносил окончания.

На прощание Алексея попросили по его делам приехать еще раз, обещая полное содействие, но не вдавались в подробности. И что хорошо бы ему дожидаться Филиппа Ивановича. От посольства ехали в наемном экипаже. Сибирцев объяснил дипломатам свое положение и думал об этом.

– А что это за белый камень на домах с колоннадой? – вдруг спросил он, когда поехали по улице, где все дома белы, все в четыре или пять этажей, у каждого несколько подъездов. Над каждым подъездом выходящее крыльцо и над ним толстая тяжелая плита навеса. Сдвоенные белые колонны держат ее под каждым из углов. На плите навеса стоит такой же восьмерик и держит над собой такую же плиту, и так на каждом этаже, колонны стоят над колоннами у всех подъездов, повторяются ввысь до крыши и придают улице богатый и нарядный вид.

– Эти колонны не из камня. Это штукатурка по кирпичной кладке. Тебе пора знать. – Эванс велел остановиться и подвел Алексея к зданию. Собака, гуляющая по тротуару, чопорно посторонилась, чтобы ее не задела.

– В Петербурге на Зимнем колонны также оштукатурены, а кажется, что каждая тесана из цельной скалы.

В этой части города людей на улицах мало, впечатление такое, что все сидят дома и чем-то заняты или в отъезде на службе короне, или торгуют в колониях.

Въехали в Челси, Эвансы живут в сердце Лондона, неподалеку от Темзы.

Здания здесь пониже: в два и три этажа, в несколько подъездов, в белизне камней отделки с контрастным блеском медных ручек и ящиков на дверях, выкрашенных красной краской. Решетки вокруг маленьких цветников у подъездов. Тут каждый подъезд считается отдельным домом, поэтому каждый вход имеет свой номер. Людей на улицах еще меньше, а садов и цветов больше.

Навстречу проскакал на коне старик атлетического склада лет семидесяти.

Кебмен снял шляпу. Эванс приподнял цилиндр.

– Сэр, это Пальмерстон, – оборачиваясь к Сибирцеву и показывая кнутом назад, молвил возница. Алексей невольно обернулся. Мужественный всадник в плаще был далеко: стук подков о камни доносился все слабее.

Кебмен добавил с гордостью знатока и патриота, что Пальмерстон живет на Пиккадилли. Через Челси его маршрут по четвергам. Выезжает в любую погоду.

Особняк молодых Эвансов из нетесаного черного камня, окна обеих этажей в частых переплетах, как в белых решетках. Богато и похоже на церковь.

Наташа слегка полновата, как и полагается купчихе. Пришла с садовой террасы с розами. Прелесть что за локотки, остренькие; руки с легкой полнотой по-девичьи хороши. Лицо тонкое и нежное, голубые глаза чуть навывкате. Маленькие яркие пухлые губы; улыбочка выдает натуру

приветливую, но бойкую. Акает, как замоскворецкая уроженка, с мужем по-английски говорит чисто и быстро.

Поздоровались и познакомились. Ушла переодеваться; мужчины приехали прежде времени.

За столом, после разговоров о том о сем, Наташа, видя, что дело не идет, решила взорвать все эти приличия, и ее как понесло. Оживляясь, заговорила про Москву. Ее отец – владелец чаеоторговой фирмы и магазинов на Тверской и Мясницкой, в Питере и в Нижнем. Торгует сортами караванных чаев. Поставляет чай в цибиках из Китая в Европу. В семье была гувернантка из колонии московских шотландцев, дети говорили по-английски.

После обеда из многих блюд перешли в темную, богатую гостиную. Эванс помчался на второй этаж, на крики ссорившихся мальчиков.

– Я не верю, что на караванные китайские чаи со временем падает спрос, хотя все говорят, что в Европе меняются вкусы, настоящих знатоков чая становится все меньше... – по-мужски рассуждала эта хорошенькая леди с узким лицом чопорной блондинки. – Отец рассказывал, как его привезли мальчиком десяти лет в Москву из деревни и отдали купцу в чайный магазин. Хозяин накормил его ужином, показал на полати и сказал: «Полезай на филатки». Пять лет пришлось открывать дверь лавки и кланяться каждому посетителю. А потом хозяин отдал за него единственную дочь и передал дело. Отцу часто приходилось бывать в Сибири и даже в Монголии.

Николай навел тишину, скатился, как по трапу, и сел на диване, с интересом слушая. Эванс не перебивал, умел слушать. Он выбрал жену по себе, знал, что делал. Кажется, давал ей полную свободу и выслушивал ее мнения. Иногда Наташа судила резко, лицо ее становилось еще острей, она взмахивала рукой картинно, как оратор на митинге.

– Мне за войну тут пришлось наслушаться комплиментов. Лично меня никто не задел ни разу, кроме детей.

В замоскворецком обществе, даже в среде образованных купцов, известных меценатов, вряд ли Наталья Ивановна получила бы такую независимость. Впрочем, может быть, там ушли далее, чем полагает общество и наш купеческий Шекспир.

Судя по разговорам, она выезжала куда хотела и когда хотела, с мужем и без мужа, в Хрустальный дворец, на выставки картин и скульптур, бывала на скачках, имела обширные знакомства.

Алексей хотел было спросить, не отстают ли она от русской жизни, знает ли, что у нас, не слишком ли увлечена, когда Наташа, словно отгадав, сказала, что до войны бывала дома и еще поедет. Последний раз фирма Эванс давала ей коммерческие поручения.

Наталья Ивановна знала театры обеих наших столиц, частные антрепризы и императорские, наши голоса и балеты. Она невольно возвращала мысли Алексея от Хрустального дворца и Гайд-парка к Китайгородским башням на Театральной.

Конечно, Эванс давал ей полную свободу. Он опять помчался наверх смирять детские ярости.

– Николс семьянин прекрасный, он не похож на своих. Англичане любят животных больше, чем детей, ласкают кошек, собак, боготворят своих выкормленных щенков, нежны с ними, а с детьми строги. Бьют их, отстраняют от себя, передают воспитателям. Бывают в семье грубы, когда никто не видит. Мой муж исключение.

– Обычай жестокий, – подтвердил Николай, возвращаясь. – У нас считается, что ласка портит, набалованный, привыкший к нежностям ребенок вырастет слабым, неготовым к жизненной борьбе, бывает неблагодарен родителям, на них привыкает смотреть как на дойную корову. Нежность, по мнению англичан, портит нервы, мешает выработке характера. Нужен спорт. А кошек и собак нельзя испортить нежностями: лаская их, человек получает возможность, не во вред потомству, истратить свойственные ему чувства. Наши pets – любимцы,

домашние животные, как громоотвод. Нежность без них может стать семейным ядом. Потомки животных с поколениями не теряют врожденных кошачьих и собачьих качеств, привычка к ласкам и лакомствам не становится врожденным свойством.

«Англичане знают, что делают!» – вспомнил Алексей фразу своего капитана на «Диане». У нас судят по-иному. Ребенок, выросший без ласки, как без отца, жестокосерд.

– Сам я не могу быть слишком строг с моими детьми. Они очень впечатлительны и обидчивы. Знатоки России полагают, что в России не правительство плохое, а у русских плохи нервы, они испорчены за века ига и что какое бы правительство ни сменило самодержавие, народ будет и его ненавидеть. До войны говорили, что Бог дал русским таланты, но лишил их душевного равновесия. Герцен, живущий в Лондоне под покровительством законов, написал теперь, что война показала в русском сильный зародыш. Такого мнения придерживаются наши участники войны. С этим многие согласны. Мой долг – вырастить детей с характером и крепкими нервами, не сломать их.

– Николс исключение, – повторила Наташа.

Колька всегда был целомудрен и еще мальчиком говорил товарищам, что хочет рано жениться и ему нужна будет только хорошая жена и больше никаких девиц и женщин в жизни не потребуется. «Это все глупости!» – отвечал он товарищам, когда они начинали заманчивые и дразнящие разговоры про связи светских женщин, про гусарские и студенческие утехы и попойки и про публичные дома.

Да, несмотря на всю свою склонность к спекуляциям и авантюрам, Колька оставался целомудренным.

Оказалось, что Наташа по Москве знает троюродного брата Алексея, он ухаживал за ней. Больше – она знает его невесту Веру, только, не знает, что она его невеста. Вера, как живая, предстала перед Алексеем. От нахлынувших воспоминаний Наташа стала ему еще милей. А Наташа ударилась в откровенность без границ. Незаметно Алексей и Наташа, как брат с сестрой, перешли на «ты».

– Англичанки узнали, что русские мужья нежны с женами. Смотри, Леша, не попадись им. Сами англичане – грубые мужья и отцы! – воскликнула Наташа и картинно взмахнула рукой, показывая в пространство как на оппозицию. – Муж может мне ответить: откуда ты знаешь, у тебя нет никакого опыта, да и сравнить не с кем. Но у меня есть приятельницы-англичанки, они бывают совершенно откровенны. Вы думаете, господа, что у англичанок, когда их доводят до белого каления и заставляют терпеть, потом не бывает душа нараспашку?.. Здесь, в особняках Челси, жен бьют чаще, чем где-либо. Леша, кстати, сходи посмотреть, как по утрам вешают преступников у тюрьмы, и какой сброд собирается в эти дни на такое зрелище, и какие там волчицы из трущоб.

Английский муж может быть с ней на балу или в гостях сама благопристойность, а приехав домой, схватить жену и сказать: «ну... корова...» или «ну ты, животное»... И это выслушивает викторианская леди в эру идеального благонравия.

– И лорды?

– А разве лорды не люди? Но Диккенса я не люблю. Если бы Англия стояла на таких негодях, как его коммерческие столпы, не было бы цивилизации. Приму Диккенса только как карикатуриста

– Англичан вырастило море, – сказал Алексей. – Привило торговую предприимчивость как спасение от подъяремной тоски.

– А нас – Волга и Сибирь, – отвечала Наташа. – Через Сибирь мой отец водит чайные караваны. Но пока столичное общество России еще слишком провинциально и далеко от того, чтобы мыслить интересами Сибири. Оно ограничено казенными выгодами и петербургскими пошлостями, даже самые блестящие умы, которые живут со своими крепостными, как в оазисах. А ты не хотел бы познакомиться с Герценом?

– С Герценом?

– Да.

– Я даже не знаю толком, кто такой Герцен.

– Не слышал? Не понимаешь, о ком речь? Это наш писатель, он здесь как свой. Как и Тургенев. Герцен!

– Что-то слышал. Ты с ним знакома?

– Да

– Но ведь ты не революционерка, кажется?

Наташа рассмеялась:

– А ты слышал такое выражение: «крещеная собственность»?

– Нет...

Алексей рассказал про встречу с премьером на коне. Наташа умолчала, воздержалась.

– Ты нарочно повел Лешу к Ротшильду? – спросила она мужа.

Николай стал рассказывать, что у банкира все тот же небольшой кабинет, и у самого спеси не прибавилось.

Алексей запомнил Ротшильда. Безупречный джентльмен. Типичный англичанин. С утра завален делами. Принял письмо фирмы Эванс учтиво. Кивнул в знак согласия и что-то написал.

Алексей услышал цифру процентов. Ротшильд заметил морщинку на его лбу. По лицу Ротшильда скользнула тень. Он и так сбавил ради старика Эванса.

– Зачем мне шиллинг, – сказал он Сибирцеву, подавая бумагу, – если к вечеру у меня не будет из него два шиллинга?

Ротшильд стал жаловаться Эвансу, что получил из Гамбурга письмо раввина, известного просветителя. Он призывает Ротшильда помочь своему народу, разбросанному по всему свету и влачащему жалкое существование, помочь нищим в нужде.

«Довольно евреям быть нацией шпионов, – с яростью и болью писал раввин, – выкупите, ваше превосходительство, г-н Ротшильд, еврейские земли и отдайте их своему народу, пусть евреи вернутся на родину предков и станут земледельцами и тружениками на своей земле. Когда-то евреи были храбрыми и воинственными и в древнем мире подавали примеры мужества. Такими они должны стать снова. Возродите нас. Дайте нам нашу землю, верните ее. Вы все можете. Вы самый богатый человек на свете».

Ротшильд развел руками. Он только что предоставил правительству Великобритании заем в четыре миллиона фунтов на покрытие военных убытков.

– А как это для евреев? – воскликнул он, рассказывая об этом.

«По-нашему это, кажется, чуть ли не сорок миллионов рублей», – подумал Сибирцев.

У евреев нет прав даже в Англии при этом. Ротшильду близок ли призыв раввина? Или ему не до этого? Или со временем он надеется найти сильных и верных союзников в англичанах, заслужив их благодарность, зная, что один в поле не воин.

Ротшильд сказал, что доволен своими сыновьями, но его выводит из себя племянник: нахал, каких свет не видал, не дает прохода горничным и служанкам, всех хватает и щиплет.

– Такой негодяй! Сегодня я застал его в коридоре, где шла уборка, он схватил девицу. Увидя меня, – что бы вы думали? – он выпустил ее, но не смутился... Он мне, своему дяде, подмигнул, словно товарищу по безобразиям. Я с утра не могу прийти в себя, не могу найти места и не могу молчать! Я молчу... Но я кричу! Я его вышлю к просветителю в Гамбург. Пусть его просвещает... Не думайте, что он дурачок. Он математик, вундеркинд. Но нахал. Хватает этих пуританок...

– А что будет, если у него появятся большие деньги? – с негодованием продолжал Ротшильд. – Женщины всегда остаются женщинами, а деньги деньгами. Французы говорят... что в каждой женщине живет... Что вы думаете об этом? – спросил он Сибирцева.

– Я стараюсь не держать при себе больших денег, – учтиво ответил Алексей, помня уроки японцев.

– Банкирская фирма должна быть чиста, как кристалл. Деньги, как чистая кровь в здоровом организме. Этот нахал развалит любую фирму. Я найду на него управу! Не поможет раввин – пошлю в Америку. Там они говорят: не все ли равно нам, вокруг какого столба объединяться? Вы говорите, что в Гонконге познакомились с банкиром Берроузом?

– Впервые – на борту «Паухатана» в порту Симода...

Ротшильд, слушая рассказ Алексея, скривил левую половину лица в брезгливую гримасу, в то время как правая оставалась британски холодна и правый глаз смотрел зорко – и это было ясней любых характеристик Сайлесу.

Банкир любезно отпустил посетителей.

– Ротшильд большой шутник, – сказал Эванс, выходя из банка.

– Он любит анекдоты?

– Другому нашему банкиру, а не ему предлагают открыть отделение банка в Петербурге. Племянник Ротшильда! Его может и не быть! Ротшильда можно понять. Ротшильд содержит государство, а будет избран в парламент без права занять в нем место.

– Царь имеет дела с парижским Ротшильдом, который, кстати, содержит отделения в портах Китая.

Ясно, что Эванс свой человек у банкира. Эванс всегда был стоек, как мальчики, которых изображает Диккенс.

– Ротшильд говорил не только со мной и с тобой. Он говорил с молодой Россией. Он проницателен, смотрит в будущее. Он сказал про заем и про письмо раввина. Но что предпочел спасение Англии. Он показал, что дал деньги на восстановление отечества, потрясенного войной, а не на выкуп обетованных земель.

Ротшильд подает руку в беде? Он подчиняет себе Англию? Щедрость его предшественников одарила Лондон знаменитой Национальной галереей.

На Англию ставится ставка, как на страну свободы. Англия не наивна. У нее есть Диккенс и Виктория. Англия с благодарностью делового человека пожимает протянутую руку, принимает поданную помощь и не останется в долгу, сохраняя традиции. Сила соломѹ ломит. А силы в них бушуют. Алексей это почувствовал, когда познакомился с Энн Боуринг... Ротшильд подал бы помощь и России. Петербург нуждается в займе. Но ведут переговоры с банком Беринга. Молодой государь не хочет ходить в одной упряжке с двумя братьями из двух столиц.

А думать уж некогда; на вечерней улице сплошной грохот экипажей и карет, с блестящими от воды поднятыми верхами, с кучерами в коже и клеенке и в кожаных цилиндрах, сидящих на козлах с видом полицейских on duty – при исполнении обязанностей. Стук копыт, крики, шум дождя и ветра, при свете фонарей движется масса зонтиков, которые все время меняются на ходу, все толкаются, извиняясь и скалясь друг другу, как бы ссорятся и тут же примиряются. Нация яростных спорщиков и дельцов видна в уличном движении. Мальчики в красных курточках снуют под зонтиками с покупками, доставляя их из магазинов на дом...

Глава 3. В Адмиралтействе

Уже самая жизнь матроса невольным образом подготавливает его к развитию. Ум его работает несравненно больше, чем ум обыкновенного солдата; личность солдата теряется, пропадает в массе, где играет он роль единицы; матрос редко или, вернее, никогда не действует в массе; он работает отдельно, действует лично сам по себе и за себя; ум его постоянно настороже, внимательность возбуждена беспрестанно. В морской службе... достаточно одного неосторожного, необдуманного действия одного отдельного лица, чтобы испортить целое важное распоряжение; естественно, что при таких условиях умственные способности постоянно изощряются, ум не может спать, «встряхиваются мозги», как говорится. Не говоря уже о том разнообразии впечатлений на море и в чужих краях, которые действуют в пользу развития, возьмите в расчет разнообразие занятий, которое точно так же способствует пробуждению сознания в матросе. Каждый матрос, кроме обыкновенной служебной должности, присоединяет еще занятия специальные: он артиллерист, столяр, маляр, такелажник, слесарь и проч., что делает из него существо особенно восприимчивое, деятельное, понятливое, существо чрезвычайно подготовленное к принятию дальнейшего развития.

У нас... находятся люди, которые без всякого принуждения, по своей охоте, выучились грамоте и все свободное время отдают чтению; читают... Гоголя, всеобщую историю, географию, Пушкина, Кольцова. Когда я принес... карту, надо было видеть, с каким любопытством окружили меня... матросы; с каким жадным вниманием следили за пальцем, который обозначал на карте пройденный нами курс от Кронштадта и тот, который нам оставалось пройти...

Что стоило бы, например, морскому министерству велеть напечатать несколько сотен экземпляров общих, генеральных карт всех частей света и раздать их на суда, отправляющиеся в большие плавания? Для избежания порчи от сырости, а также и для прочности карты могли бы быть напечатаны на клеенке; вешайте их куда угодно, во вторую палубу, на борт, на баке, лишь бы матросы смотрели всласть, вдосталь сколько угодно. Нет сомнения, они скоро ознакомились бы с расположением стран, морей, отношениями их друг к другу. Быв в состоянии следить за курсом своего корабля, они плавали бы если не охотнее, то уж, конечно, сознательнее, чем теперь это делают. На это могут возразить, пожалуй, что таких карт не существует ни во Франции, ни в Англии во флоте; не знаю, существуют ли там они или нет, но не все ли это равно! Не все же нам обезьянничать, в самом деле; пора выдумывать свое полезное и применять его к делу...

Д. В. Григорович. Корабль «Ретвизан».

Соч., том IX

Весной 1856 года в числе русских моряков, вернувшихся из плена в балтийский порт Либава, неожиданно оказались доставленные туда с Тихого океана, через Англию, участники японской экспедиции адмирала Путятина: старший офицер погибшего корабля «Диана» лейтенант Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, ученый секретарь русского посольства Осип Антонович Гошкевич, японец Прибылов, бежавший из своей страны и принявший русское имя, лейтенант барон Николай Александрович Шиллинг и шестьдесят матросов.

Из Главного морского штаба предписали поспешить отправить прибывших по зимнему пути в Петербург. Начальник Либавского порта ответил по телеграфу, что все офицеры выехали, а матросы привезли с собой такие тяжести, что невозможно найти столько лошадей

и подвод для их перевозки. По открытии навигации просил о высылке из Кронштадта особого парового судна.

– Что же это за пленные? Что у них за тяжести? – удивился, прочитав телеграмму из Либавы, начальник Главного морского штаба адмирал барон Врангель, знаменитый исследователь Аляски и ученый. Фердинанд Петрович встал из-за стола и прошелся своей энергичной походкой по громадному кабинету в одном из угловых «кубов» Адмиралтейства. – Видно, нажитое добро! – возвращаясь по сплошному ковру в размер пола от дальней стены с газовыми рожками в бра и с картиной Айвазовского, сказал он поднявшемуся со стула начальнику инспекторского департамента молодому графу Гейдену.

Черный морской мундир Федора Логиновича подчеркивал белизну его лица, светлые бакенбарды и золото эполет. (Гейден – типичный блондин-моряк, каких много на всех флотах Европы.)

– Вот еще новости! Такими становятся простые люди! В наше время матросики в плену тяжестями не обзаводились. За харчи работали. За харчи! Может быть, водочку потихоньку попивали. Что означают – тяжести? Это покупки. Сделаны на деньги, даром не дадут. Срам! Где же деньги взяли? Ах, британцы торгаши. Втянули матросика в буржуазные отношения. Судно, конечно, придется послать, как только в Финском заливе разойдутся льды. Ах, наши ледяные погребя: Финский и Рижский; шторм бушует, а море во льдах.

Проклятая буржуазная Европа, думал Врангель. Вот от чего нашу Аляску надо оберегать. На нее надвигается нажива... Как и на бедную Германию.

– Фердинанд Петрович, – осторожно заговорил Федор Логинович, – офицеры и матросы из Гонконга, и все заработано ими в Китае, а не в Великобритании. Наши моряки из Европы возвращаются без особых тяжестей.

Мысль о происшедших переменах уме не приводила Врангеля в хорошее настроение. Хотя, казалось бы, все не так уж плохо, да победа достигнута слишком поздно. Но победа полная, к которой Врангель и его единомышленники стремились всю жизнь. Из этого кабинета выжит и удален на покой, в отставку, когда-то всесильный расканальский бюрократ и реакционер князь Меншиков, лукавый царедворец, долгие годы сживавший со света Врангеля и многих ученых. Вот вам исторический пример: ученый заменил матерого бюрократа! Молодой либеральный царь – воспитанник Жуковского, позволяет брату Константину, совсем еще молодому генерал-адмиралу русского флота, наводить порядок в морском ведомстве. Добрые времена ученых восстанавливаются.

Граф Гейден и при князе Меншикове стоял во главе инспекторского департамента. Но Гейден особая статья.

В чиновничестве самом высшем, среди аристократии и ученых, как и среди мелюзги, давно идет глупый спор, кто полезней и верней может служить государю и государству. Палка о двух концах. Врангель не считал себя немцем. Германию он любил, как отчизну мировой науки. Врангель много совершил для России, он не мог не считать себя русским. Воспитанный в русских обычаях, носивший русский мундир, трудившийся на севере и на Аляске многие годы, сжившийся с простым народом, он полагал, что глупы те немцы и инородцы, которые стараются выставить напоказ что-нибудь иностранное в своем происхождении. Когда заводили разговоры, что Пруссия объединит разобщенную Германию и что немцы в России будто бы должны также объединиться и приобретать влияние, барон Врангель приходил в бешенство. Эти разговоры лишь компрометируют. Вам ли теперь не живется!

Вернулись к делам. До прихода телеграммы, сбившей Фердинанда Петровича с толку, говорили о назначениях.

Вчера великий князь Константин спросил у Врангеля, кого бы предполагал он командующим эскадры, которой предстоит идти в Тихий океан. Шесть новых винтовых корветов и транспортов сводятся в отряд и отправляются к устьям Амура. Но все так медленно делается!

А слух о назначении новых кораблей, видимо, прошел. Врангель опять отвлекся, помянул, что к нему являлся с докладом о ходе своих исследований в Средней Азии молодой контр-адмирал Алексей Бутаков.

После доклада поговорили о том о сем. Бутаков никакого отношения к назначениям по флоту не имеет. Он молодой, но теперь уже всемирно известный географ, награжден за открытия Гумбольдтовской медалью. С юных лет прошел тяжелую школу плаваний под командованием адмиралов Литке и Лутковского, на кораблях, где воспитывался великий князь Константин.

Бутаков полагал бы назначить командующим новой эскадрой контр-адмирала Невельского. За ним открытия, океанские плавания, он в лучшем для моряков возрасте, у него еще все впереди, а что с Муравьевым, их можно помирить. Оба они не без головы, интересы дела превыше всего.

Фердинанд Петрович ответил, что Невельского нет в Петербурге, он после увольнения еще не приехал из Сибири и, вероятно, захочет отдохнуть сначала год-другой. Суть дела была не в этом. Врангель не хотел бы объясняться.

Бутаков уверял, что Невельской моряк, знающий европейские и американский флоты, на хорошем счету у иностранцев, на Востоке имел дела с их фирмами, он должен до конца довести исследования в южном Приморье, для чего могут послужить современные быстроходные корабли, каких до сих пор ему не присылали. Он не потеряет зря времени. Как бы он ни устал, но тут ухватится... «Знаю его нрав, он горяч, но благороден в высшей степени!»

Бутаков петушился, вспомнил плавания вместе с Невельским на «Беллоне», «Авроре» и «Ингерманленде», когда у молодых офицеров составлялись знакомства с моряками разных стран, во время встреч во дворцах, на королевских и президентских приемах в честь его высочества Константина, и приходилось танцевать с прекрасными леди, а также пить и развлекаться в обществе сверстников и старших чинов, бывать в учебных заведениях, участвовать в соревнованиях с иностранными офицерами, гребных и парусных.

«Наши бывшие знакомые в других странах теперь командуют кораблями и эскадрами, делают описи, они знают об исследованиях Невельского, об открытии Амура и Сахалина. Фамилию его американские ученые в своих журналах и в письмах иногда упоминают как Nevel'skoу, отделяя корень, похожий на “западную” фамилию, от славянского окончания, как бы намекая на родственное им происхождение. Тем больше интересуются его открытиями, понимая, что они были секретны. Невельской мог бы восстановить свои связи с моряками западных стран и Америки и поставить на службу науке и на пользу флоту. Ему всегда была оказана поддержка. Ни один старый товарищ не остался бы в долгу...» «Представьте, ваше высокопревосходительство, – говорил молодой ученый вот в этом же кабинете, – если бы русская эскадра под командованием Невельского пришла бы в Штаты. Как всколыхнулась бы пресса. Он тот, кто протянул им руку через Тихий океан, заняв западный берег. Уже не говоря о моряках из Плимута, Портсмута, Шербурга, которых сейчас полно на востоке и которые ничего зазорного не находят в деятельности русских коллег на побережьях Сибири...»

Но Фердинанд Петрович не может идти с подобным ходатайством к генерал-адмиралу, великому князю Константину Николаевичу.

Гейден занимался Невельским, когда тот жил на Петровской косе.

Константин Николаевич, увлеченный подвигами Невельского и очень довольный его женитьбой, собственноручно написал тогда Геннадию Ивановичу, поздравляя с новорожденной и обещая впредь быть восприемником всех детей от купели. Послал на кругосветном корабле в подарок его супруге Екатерине Ивановне концертный рояль.

Год спустя о политических событиях на востоке и об условиях жизни в самой экспедиции известия пошли угрожающие. Европейская война приближалась. В Китае бушевало восстание.

Династия могла пасть. Мятежники рвались к Пекину. Дальний Восток занимался как зарей. На устьях Амура голод, нет кораблей.

Граф Гейден, по желанию его высочества, послал Геннадию Ивановичу письмо с предложением оставить Амур, где дело уже начато и не заглохнет, и вернуться в Петербург. Дано понять, что Невельского ждала самая широкая деятельность. Письма Гейдена к Невельскому имели оттенок товарищества, духа дружелюбия, которые обретают бумаги из-под пера молодого человека, занимающего большую должность, обращенные также к молодому и равному по чину ученому, не занимающему значительной должности, но знаменитому и занятому значительным делом. Личное знакомство в таком случае, как подчеркивается тоном подобного официального письма, составляет взаимную честь.

Тогда Геннадий Иванович еще не был надломлен, как теперь, и весьма пригодился бы для службы в столице. Но Геннадий Иванович выказал характер. Он отказался от предложения, хотя не мог не понимать, от кого оно исходит. Он отказался от хорошей карьеры, объясняя, что не смеет бросить дело, должен все довести до конца. А теперь, конечно, времена переменялись, обстоятельства иные. Судьба тем временем обрушилась на Невельских со всей жестокостью.

Когда в конце войны, после эвакуации Камчатки, пришли известия, что Невельской и Завойко уволились и возвращаются в Петербург с началом навигации, его высочество сказал: «Я ничего для них не могу сделать, у меня нет должностей для таких настоящих моряков, как Невельской и Завойко».

Вошел белокурый адъютант. Доложил о приезде Михаила Христофоровича Рейтерна.

– Что же вы, добрый молодец, скачете в такую непогоди-щу? – спросил, обнимая гостя, Врангель.

Рейтерн поцеловал дядюшку своего любимого, ныне покойного сверстника и друга Вильгельма Врангеля, безвременно скончавшегося в расцвете лет. Он и сам считал Фердинанда Врангеля дядюшкой.

– Нам ли бояться ветра-дуболома, – отвечал Рейтерн и добавил с гордой улыбкой: – Что русскому здорово, то немцу смерть!

– А-а! Что там немцы! – Врангель махнул рукой. – У них дело не идет.

Врангель говорил о Германии с досадой, как о деле, на которое столько лет надеялся и разочаровался вконец, он верит только в Россию. Рейтерн также далек от былых заблуждений. Он приехал поговорить совсем о других делах, не о мировой политике, похлопотать о родственниках и знакомых.

Врангель показал телеграмму из Либавы.

– Никак не можем вывезти наших людей из этой торгашеской страны. Пускаются во все тяжкие. Денег на матросов не жалеют.

Врангель стал жаловаться на безобразия и неразбериху, которые достались ему в наследство.

– Но все же минувшего не вернуть, – молвил Рейтерн. Мишеля не стесняло присутствие Гейдена. Федор Логинович принят Врангелем как свой.

В свое время Меншиков был польщен, когда сын знаменитого боевого адмирала Гейдена назначен был в начальники инспекторского департамента. Молодой Гейден трудолюбив и знает дело. Его отец-голландец, служивший в Вестфалии, в начале века выехал в Россию. Он служил верно, бывал в морских походах, участник Наваринского сражения, возведен в графское достоинство. Скончался, будучи начальником Ревельского порта, его усыпальница в Домском лютеранском соборе на Вышгороде и над ней русские боевые знамена.

Князь Меншиков желал следовать вкусам Петра Великого, любившего голландцев, и своего предка Сашки Меншикова, ставшего светлейшим князем. Он льстил себя сравнением с ними, приблизив, подобно им, трудолюбивого голландца. Так романтика и реакция, как понимал Врангель, притворяясь прогрессом, пытались повторить петровскую эру.

Фердинанд Петрович дал понять, что от Мишеля нет секретов. Порешили представлять о назначении капитана 1-го ранга Кузнецова, о ком говорено у генерал-адмирала. Хороший моряк, отлично показал себя.

– А Невельской слишком большая фигура, чтобы командовать новой эскадрой. Придется Геннадия Ивановича с его знаниями и опытом определить в наш ученый совет, в рейхсготтен, царство божье отставных адмиралов.

– Но ведь, дядюшка, ему только сорок лет! – разомкнув уста, заступился Рейтерн за здравый смысл.

– Он принадлежит прошлому, – с грустью ответил Врангель, – славному прошлому...

Чувствуя, что тут предстоит разговор о каких-то, может быть, личных делах, Гейден протиснулся.

– Бутаков не то что надо видел в иностранных флотах, – сказал Врангель. – Разве он не знает, каким избиениям подвергают там матросов, как там за деньги продают офицерские чины и должности...

Речь пошла о том, что на южном побережье Сибири, которое еще не разграничено, хотят найти и построить большой порт, из-за этого идут споры. И, может быть, происходит дележ шкуры неубитого медведя. Муравьев – человек дела, но у него руки не дошли. Еще не занят Амур, и неизвестно, что там будет.

– Денег на порты в Сибири нет, – ответил Рейтерн. – Все средства пойдут на коронацию. Это дело достоинства России и политики.

Врангель полагал, что вполне жизненны многонародные государства; были и в древности, и есть сейчас. Уже не говоря об Австрии – такое мощное, например, и с таким великим будущим, как Штаты.

А какой блестящий финансист получился из Мишеля! Один из столпов, на которых стоит министерство. А так молод... Немцы могут спокойно жить в России, оставаясь ей верными, превращаясь в русских или оставаясь немцами, как кому вздумается.

На Мишеля нельзя не полюбоваться. Свеж, статен, молодой лев в зеленом мундире министерства финансов. Пуговицы блестят, как золотые монеты на сукне рулетки или на ломберном столике. У нас все в чинах и все в мундирах. Так и учат унтера – воспитатели солдат и матросов: ты – нижний чин. У нас все в чинах. И ты в чине!

Министерство финансов известно своей осторожностью и деликатностью, но может поставить любому ведомству непреодолимые препятствия, заставить прыгать, как через колья.

– В Сибири у Муравьева, говорят, свои доходы, – сказал Врангель.

– Какие же доходы? Дозволить законом мыть золото? Чтобы началась золотая лихорадка. Купцы намыли ему пуды золота и пожертвовали на снаряжение первого сплава. Тогда государь-самодержец утвердил это беззаконие. Не позволять же Муравьеву ввести собственное денежное обращение в Сибири.

Врангель смолчал. Видимо, понимал государь, что законом ничего путного в его государстве до конца довести невозможно. Считается, что надежный доход в казну идет с питейного откупа. Выясняется, что откупщики получают выгоды большие, чем казна. В руках арендатора такая выгодная статья, как спаивание народа. В народе говорят – арендаторы хуже помещиков. Особенно крепки они во всем юго-западном крае. Бароны-остзейцы им в Прибалтике большого простора не дают; сами спирт гонят. Питейный откуп – старый позор России. Сладит ли с ним Мишель? В министерстве финансов сидят опытные знатоки, у которых готов давно проект замены откупов. Рейтерн должен знать, за что берется. Россия бедна деньгами, движение денег слабо у нас.

Врангель также гнал спирт на своем заводе в имении. Особенно внимателен он в дело, когда вернулся с Аляски и несколько лет был не у дел. Но он продавал спирт в казну, отправлял его в Аляску и на Камчатку, надеясь на своего зятя – Василия Степановича Завойко. Зять, вместо

того чтобы помочь дядюшке в его трудном положении, писал, что народ на Камчатке привык брать бренди и виски у американцев, жаловался, что не может поручиться, что дядюшкин эстляндский спирт найдет здесь сбыт и что дядя получит барыши. Обидел он тогда.

А золотую лихорадку бродячие по северу американцы уже устроили раз-другой на наших землях в Аляске, и так неожиданно, что в Питере и в правлении Компании у всех волосы дыбом встали. Теперь, кажется, ждут еще худшего. Может быть, правительство ищет удобного повода, чтобы избавиться от Русской Америки. Нессельроде был пайщиком Компании. Горчаков избежит разладов со Штатами и не захочет приближения золотых и политических лихорадок. Того и гляди, Аляска сама уйдет от нас. На разгон приисков команды туда не вышлешь... А от Калифорнии до наших земель рукой подать. Одно валится у нас из рук, а другое хватаем, где не надо. Государь Николай I говорил: «Я не хочу расширения своей империи. Она и так велика. От дальнейшего ее расширения могут произойти лишь непоправимые несчастия».

Врангель рассказал, что на эскадру для плавания на восток командирами кораблей назначены будут Майдель, Астафьев, Стааль, Брюммер, Гревенс, Федорович, Мацкевич. Прекрасные офицеры. Умеют управляться и с парусами, и с матросиками, и с механиками, и с кочегарами. Рукой воспитывают.

Рейтерн спросил про Эгершельда и Шефнера. А потом вернул мысли Фердинанда Петровича к делам семейным.

– Василий Степанович о себе пишет, что он хороший мызник, – сказал Мишель, – он не для Петербурга. С уходом в отставку мог бы стать во главе одного из новых частных коммерческих предприятий, чья деятельность будет связана с морской торговлей и с перевозками грузов. Создается, как вы знаете, дядюшка, солидная компания пароходства и торговли для транспортировки между Рыбинском и Петербургом, по рекам и каналам, для чего должна быть капитально улучшена вся система каналов. Казна отпускает на это субсидии. Дело требует энергии, при расширении и углублении сооружений, и создания большого флота из барж и буксирных пароходов. Завойко мог бы быть драгоценным вкладом. С его настойчивостью он приведет в порядок весь наш гнилой болотистый север.

Чуть заметно Врангель поморщился.

Дела о путях сообщения и перевозках грузов решались с ведома военного и военноморского ведомства, с тем чтобы на случай войны все держать наготове. Хотя формально независимые частные предприятия и деятельность директоров компании, эксплуатирующей каналы, вне компетенции Врангеля. В интересах Адмиралтейства, чтобы в числе управителей был опытный моряк.

Рейтерн сказал, что Завойко боевой адмирал с прекрасным послужным списком и в экономике ведения войны понимает больше всех петербургских экономистов и стратегов вместе взятых. Он честен, к тому же коренной русский, на каналах и болотах засилия не заведет.

– Ох, беда с этим Завойко! – воскликнул Фердинанд Петрович. – Да, мызник он отменный, что и доказал на Камчатке. И смелый воин в бою. Но он не терпит никаких возражений и на всех жалуется. Если взял себе что-то в голову, то не отступится и не согласится уступить, хоть кол ему теши на лбу.

Когда-то так мил был он Врангелю. В свое время племянницу Юленьку отдали за Василия Степановича. Он был молод, на хорошем счету, бывал в морских боях и отличился. Увлечлась им, полюбила. Племянница Юлия, дочь покойного профессора Георга Врангеля, отправилась с мужем на восток.

Надеялись, что со временем Завойко станет правителем колоний в Америке. Но Завойко ушел на службу короне. А получал Русскую Америку как в приданое, как в наследство от дядюшки. Но Муравьев его сманил. Характер Завойко стал меняться. Учившийся не в Петербурге, а в морских классах, в Николаеве, где выпускают далеко не светских моряков, он перецеголял всех петербуржцев.

– Да, он смелый моряк и хороший хозяин. На востоке пошел в гору, там не смотрят на воспитание, все сойдет, там нужны люди, умеющие работать и сражаться, знающие не паркет и не по-французски, а хозяйство и мореплавание, в чем Завойко не откажешь. Но как поставить его во главе столичной компании? Он безграмотен!

«Все это выпалил наш дядюшка!» – подумал Мишель.

– Многие наши морские офицеры и капитаны высокого происхождения, вышедшие из Морского корпуса в Петербурге, не лучше. И всю жизнь остаются безграмотными.

– Да, бывают безграмотны и английские и французские офицеры при всем их лоске, – согласился Врангель. – Особенно у англичан – мореные дубы особой породы. Такой и не пишет и не разговаривает ни с кем, и его не узнаешь.

– Безграмотность – бич России, недостаток всех наших сословий. Вы полагаете, дядюшка, что в Петербурге редки безграмотные сановники и даже высшие государственные деятели, за которых трудится мелюзга? Сами они только расписываются. Таких гораздо больше, чем можно предполагать. Прежде чем нашим русоперам, – не удержался Рейтерн, – да тягаться с немцами, им надо научиться своей же собственной грамоте, выработать аккуратность, точность, краткость в суждениях. Но нашему бы теляти да волка съест! Трудолюбию в скучных, но повседневных делах. Отбросить спесь, лень и зазнайство, забыть свои проекты переустройств из-за того, что лень работать. Завойко в грамоте отстал, но он аккуратен и трудолюбив, это машина, а не человек... За его детьми будущее. Немцы, как я замечаю, по-русски пишут грамотней и литературней, чем сами русопяты, которые языка своего не ценят и работали по лени особый чиновничий язык, которым и излагают все государственные мысли, наводя даже полезным делом смертельную скуку на всех, кому приходится их слушать по долгу службы или читать их бумаги. Они внушают этим отвращение к любому государственному делу.

– Нет, и этого нельзя скрыть, – ответил Врангель, – талант и ум есть.

– Талант нуждается в обработке.

– И это есть.

– Пример выработки национального характера, которого не знает ни одно государство, подаст со временем всему миру Пруссия.

Рейтерн закусил удила.

Юля – сестра его покойного друга Вильгельма.

В минуты отчаяния и разлада с женой Завойко собственноручно писал безграмотные послания, которые читать нельзя без отвращения. Ябеды, зависть, озлобление в каждой строчке. Если же написано грамотно, без ошибок – значит, Василий Степанович не в ссоре, и в семье спокойно, и Юленька разделяла все его труды...

«Я считаю себя несчастным человеком, судьба бросила меня... Нельзя передать, какие я несу мучения... – писал он Врангелю. – Офицерство здесь на востоке его страм, что его за люди страм... А ежели Высокопреосвященный да поведет кляузы к которым охотник и суется не в свое дело... А население Камчатки все во власти попов, которые тут всесильны, так как здесь продолжают времена инквизиции».

Никого не щадил. Юленька, бедняжка, все вытерпливает. Упрям, крут, суд его краток, но Юленька смягчает ему нрав. Он себя в обиду не дает, но при этом на всех жалуется. Солдаты и матросы любят его, чувствуют простой характер, а он знает, чем взять работника.

– Ныне Завойко адмирал, герой Камчатки, нанесший за всю войну единственное поражение флоту союзников.

Английский адмирал Прайс после первого штурма, видя сильный отпор и недостаточность своих средств, ожидая поражения, взял ответственность на себя и застрелился, давая возможность своей эскадре отменить штурм и уйти. Так Василию Степановичу этого мало. Он всюду пишет и уверяет, что адмирал Прайс не застрелился, а что это подлый обман, а на самом

деле он убит выстрелом русского орудия, которое наводили его герои, камчатские артиллеристы, следуя указаниям самого Завойко, отстранившего в разгар боя нерасторопного офицера.

«Такие противоречия! – полагал в досаде Врангель. – Герой войны, герой труда, а иногда как кляузник и ябеда. Вдруг ему покажется, что все у него крадут славу. Мало ему своих уличать, взялся за англичан, что и они обманывают его, не могут не солгать, как наши чиновники. Достоинства и подвиги Завойко замалчивают, желая из мести за свое поражение подложить ему свинью. Я сам не любитель англичан, но что же их винить в грехе, им несвойственном. У них гибель на палубе в бою считается геройством и не скрывается, и об этом пишут, и за это оказывают почести, память таких моряков сохраняют и приучают уважать. Кому бы вздумалось скрыть гибель Нельсона на палубе в бою и объявить, что на самом деле он покончил жизнь самоубийством, только чтобы награду не дали попавшему в него французскому стрелку. Завойко долго думал и додумался, что если все ему пакостят, то англичане не отстают. Да, теперь он возвращается в Петербург с Амура. Юленька прекрасная жена и мать, образованная светская женщина. Милая Юля, племянница моя. Едут, и с ними девять детей. Юля их прекрасно воспитывает, сама им преподает. Дети владеют языками, прекрасно рисуют, учатся отлично. А вот когда у них разлад между супругами, Василий Степанович начинает рубить сплеча и бьет, как обухом по голове, и льются в его письмах потоки ошибок и нелепостей».

Немного еще посидели, пошутили и расстались. Дело не решило, казалось бы. Но ясно, что Врангель все исполнит.

В огромном кабинете с картинами, картами и знаменами Фердинанд Петрович, проводив Мишеля, некоторое время постоял молча. Вынул серебряную луковичу часов. Дома пусто. Елизаветы Васильевны больше нет. Рысаки скоро будут поданы.

Адъютант принес позднюю почту. Письмо от архиепископа Иннокентия из Якутска. Почта оттуда ходит редко.

Аляска, северное побережье Сибири, остров Кадьяк, Якутск останутся для Фердинанда Петровича навсегда краями молодости. Там он, бывало, не только делал описи, сам каюрил, сам охотился. Там он сдружился с молодым миссионером, ныне почтенным архиепископом.

«Лето был в Аяне и с неприятелями нашими десять дней жили по-приятельски. Впрочем, нельзя не отдать им справедливости за то, что они с Аяном поступили благородно».

Есть отрада в письмах Иннокентия, напоминания о славных временах, когда Фердинанд Врангель был главноуправляющим колоний в Русской Америке.

... Потому и неприятели поступили благородно и ничего не разграбили, что там оказался архиепископ. У них и у самих миссионеры в большой силе. А Иннокентий славен повсюду.

«В числе писем из Америки я нынче получил письмо от Касьяна с острова Павла... Если вы изволите помнить место Горбач, где... могли жить 20–30 холостяков⁴, в прошедшем 1854 жили одних годовалых холостяков более 2000, что же сказать о прочих главных лежбищах! Касьян и все павловцы восписуют страшную благодарность за это, а кому же? Мне... Нет! Если уж следует кому-нибудь из людей благодарить за это, то Вашему Высокопревосходительству – сильно и убедительно представившему о запуске китов для размножения там, где люди гибли и откуда они собирались уходить.

Благодарность Главному Правлению – и Ему, послушавшему Вас... весьма приятно такое известие. Теперь надобно Компании искать только сбыт китов».

Врангель помнил Касьяна. Слава богу, он жив и здоров. И, видно, крепок, ходит на опасную морскую охоту. Врангель помнил остров Павла, как вели отлов зверей, завозили туда китенков, чтобы не вымерло население, как бывало там, где распоряжалось чиновничество.

Иннокентий скромничает, приятно утешает Врангеля в его петербургской жизни, а дело начато не мной, а им самим. Он с жителями острова Павла задумал все это, может быть, по их

⁴ Холостяки – самцы.

мольбе. Но сами они ничего исполнить не могли бы. Иннокентий обратился в Главное Правление. Там начались разногласия. Тогда Врангель решил все сам. Не шутка – послать корабли на отлов китят, перевезти их, выпустить. Нашлись суда и люди. Павловцы сами пошли в экспедицию. Без Врангеля и кораблей Компании им и миссионеру невозможно было обойтись.

В детстве спрашивали: «Кем же ты будешь, Фердичка?» Мальчик отвечал: «Я пойду в дальний мир с луками и стрелами».

А теперь Врангель начальник Главного морского штаба.

По секрету Иннокентий сообщал: «В полученном мной из Лондона письме пишут между прочим: “Лондонские раскольники желали бы, чтобы новые наши земли на востоке засеяны были чистым еретизмом. По крайней мере американские журналы не раз замечали это”. Просит письмо сжечь, если найду нужным, а если понадобится, то оставить и показать любому...» Видно, не хочет писать доноса, не желает обнаруживать интереса к делам политическим, как лицо духовное, а оставаться в стороне не может. Что и доказал не раз.

Но что значит еретизм? Религиозный? Политический? Или это еще один упрек за шведов и финнов, присылаемых на службу на Аляску, исповедующих лютеранскую веру? Кто же эти раскольники? Политические ли преступники, жившие в Англии во время войны? А переписка между нашими православными священниками происходит беспрепятственно по всему миру.

...Письмо из морского министерства Франции. Пишет французский адмирал, ученый, путешественник, хороший знакомый Фердинанда Петровича. «Мой дорогой друг... В Россию в скором времени предполагает отправиться директор частного депо морских карт... Морское министерство Франции просит... Возможно ли будет оказать содействие... Мы надеемся...»

Да, конечно... Врангель поднялся. За эти годы и мы и они делали открытия, производили описи; многие карты устарели...

Мир начинает оживать. Еще пленные наши от них не все вернулись, а они уж обращаются с просьбой открыть им наши депо карт, показать, какие новые открытия нами совершены. Врангель не хотел бы спешить с ответом. Но и отказать нельзя...

Глава 4. Возвращение

*...увлекать с трибуны, учить с кафедры гораздо легче, чем
воспитывать одного ребенка.*

А. Герцен. Былое и думы

Долгим солнечным вечером инженер Николай Михайлович Сибирцев выслушивал рассказы и расспрашивал товарищей своего сына, офицеров японской экспедиции, явившихся к нему на дом при заводе под Петербургом. Сибирцев-старший крепко шит, с гостями весел и общителен, как ровесник.

Приняв при встрече сыновье письмо, Николай Михайлович, быстро пробежав его и миг подумав, передал супруге, и она поняла мужа без слов. Кратко писал Алеша, прежде приходили письма подробней. Видно, спешит домой, надеется на скорую встречу, трогательно и жалко мальчика. Товарищи видели его в Лондоне, он не совсем оправился от недугов, после холеры еще чем-то болел, последствия дают себя знать. Из госпиталя выписан. Живет в пансионе. Но что же он задерживается? Спрашивается, на какие деньги. Ах, боже мой!

Лейтенант Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, служивший на «Диане» старшим офицером, не состригший с переменной царствования на своих розовых тугих щеках николаевские бакенбарды, заметил про Алексея Николаевича, что, говоря по-английски, он всюду принимаем в Лондоне любезно.

Барон Николай Александрович Шиллинг благородно смолчал, зная, что сам говорит по-английски совершенней, чище и правильней Сибирцева. Алексей Николаевич ошибки делает в произношении и грамматике. Шиллинг был лучшим после Гошкевича переводчиком из всех офицеров экспедиции и посольства, если не считать самого адмирала Путятина, много лет служившего до войны морским представителем России в Лондоне.

Осип Антонович Гошкевич мило рассказывал про японца, которого вывез. Он теперь в Петербурге, остановились у Гошкевича дома, совместно составляют первый русско-японский словарь. Японец являлся в Петербургский университет и приглашен туда читать лекции.

– Так он образованный человек?

– Что же вы его с собой не привезли?! – воскликнула Анастасия Николаевна Сибирцева.

– Японец желает окреститься. Отцом крестным быть уж мне, да надобно найти крестную мать, – сказал Гошкевич и вопросительно глянул на Сибирцеву.

Анастасия Николаевна посоветовала обратиться к супруге адмирала Мятлева, урожденной графине Салтыковой, она известная благотворительница, большая охотница оказывать помощь, что и доказала не раз, и уж, верно, не откажется от чести окрестить первого в Петербурге японца; она уже крестила двух калмычат и удочерила девочку-киргизку.

С офицерами приехал Васенька Керженцев, брат Веры и Наташи, недавно закончивший военное училище, привез Анастасии Николаевне сирень из оранжереи и рукоделия – подарки сестер и приглашение Сибирцевым от родителей на обед, куда званы товарищи их сына. Вася слушал рассказы моряков об Алексее, тая дыхание, рта не смея открыть, и, верно, мечтал, как и его сестра, о встрече с ним, и, как она, был в него влюблен.

Не иначе как обед у Керженцевых – затея Веры; она тревожится и не терпит знать про Алешу что возможно. У Керженцевых всегда толпится молодежь, так и гостям будет интересно.

Гости объясняли, чертя по просьбе Сибирцева, как строился в Японии стапель и как спустили корабль. Какая была местность, бухта, глубины и как и какими своеобразными инструментами работали японские мастера.

– Японцы не захотят после ваших уроков завести более современный флот? – спросил Сибирцев.

– Признаются, что им нужны паровые и железные корабли, а также усовершенствованные артиллерийские орудия, – ответил Мусин-Пушкин, – как для своей безопасности, так и для будущего расширения японских владений и завоевания разных стран по примеру европейских держав. О чем осмеливаются заявить лишь, выражая приятельство и под секретом.

– В книгах одного из японских философов, еще в прошлом веке, развивались подобные идеи, – подтвердил Осип Антонович Гошкевич. – Утверждалось, что Япония должна достигнуть такого же могущества, как Англия и Франция вместе взятые, для этого надо завоевать Камчатку и построить на ней японский город, как Лондон, и завоевать земли на континенте в более удобном климате и где нет землетрясений, примерно в Приморье, и построить там город, как Париж.

Гошкевич рассказал, как японцы всем интересовались на кораблях, в колониях и в Англии, что вообще всем много впечатлений дает Лондон и делает людей образованней, можно там почерпнуть много знаний.

Николай Михайлович спросил, сохранились ли еще в Трафальгарском сквере скамейки из толстых некрашенных плах, как в деревне у ворот.

– Так точно, – весело отвечал Шиллинг. Кроме него, и внимания никто не обратил на скамейки.

Николай Михайлович оставался на вид спокойным и сохранял хорошее настроение. Он не мог понять поступков сына и втайне был недоволен.

Когда начало темнеть и потянуло финским холодом, он проводил гостей через сад за ворота, куда подали экипаж, запряженный двумя рысаками, и, простившись, велел дворнику спустить цепную собаку. Анастасия Николаевна по его шагам, как он подымался на деревянное крыльцо, и по шарканью ногами слышала, что муж не в духе и теперь только станет самим собой. Засевшая забота подавлялась им, пока не запер за собой дверь в пробуждавшийся предвесенний сад.

Николай Михайлович мог полагать, что жене письмо сына еще неприятней, чем ему. Тем более нечего ее беречь. Какие-то недомолвки и намеки гостей могли показаться за столом. Николай Михайлович пробовал начисто поговорить, нет ли, мол, чего-то, какой-то причины задержки сына. Уклонились, уверяли, впрочем, что все обстоит благополучно; очень может быть, что сами всего не знают или не берутся судить. Может быть, уверены в нем, кажется, зарекомендовал себя участником предприятий и приключений, и, верно, не только по долгу службы. Николай Михайлович сам был молод. Он не поддавался увлечениям, но не раз увлекались его сверстники.

Послезавтра офицеры приглашены к Керженцевым. Николай Михайлович не сможет поехать, на заводе горячий день; на постройке нового корабля будет великий князь Константин Николаевич. Поддаст жару и мастерам и рабочим.

У Керженцевых будет, вместо родителей, Миша, младший Сибирцев, брат Алеши. Он пришел позавчера. Их корабль стоит в Неве. Предстоит взять на борт высочайшую особу и доставить в Копенгаген. Оттуда отправится она по немецким родственникам в Гессен, в Ганновер. «Довезем до первого двора в Европе, а там пусть катят на высочайших перекладных по железным дорогам и на пароходах до Неаполя к ополоумевшему королю... С окончанием войны все высочайшие персоны так и рвутся за границу, – говорил Миша. – Хороший повод для лондонского “Панча” поместить карикатуру на тему “Нашествие царских родственников на Европу!”».

В умах у нашей офицерской молодежи все смешалось, полагал отец: либеральные порывы, верность престолу, симпатии к высказываниям революционеров, надежды на коренные реформы и на карьеру. Желают реформ без потери выгод, отмены телесных наказаний, но с сохранением привычки заехать в рыло. Миша воспитывается теперь обществом либеральным по обязанности, а не отцом с матерью. Он на хорошем счету...

– На прощанье поговорили про Колокольцова, – входя в комнату жены, молвил Николай Михайлович. – Сказал им, что великий князь предполагает после возвращения из Японии послать его во Францию на заводы. И хочет также, чтобы Колокольцов изучил, как производятся телесные наказания во французском флоте... А пока дай бог ему и Посьету благополучного плавания... В Китае война... А у нас тихо...

Тихо, как в эту белесую ночь над рабочим поселком, над доками и лесом.

Барон и Гошкевич показались Сибирцеву откровенней, чем Мусин-Пушкин, редко вступавший в разговор.

– Он отдыхал у нас, – сказала Анастасия Николаевна. Она понимала его по-своему.

Конечно, может быть, он давно стремился вот так посидеть без забот, в гостях, в удобном кресле в гостиной. Жизнь как задачка: столько-то пишем, а столько в уме. Похоже, что он дело свое сделал и успокоился и молчит о подробностях, зная все то, о чем не докладывает родителям. Удобно не чувствовать обязанностей и качающейся палубы под ногами, без вечного рева в трубу, как им приходится...

Да, Мусин-Пушкин, видно, себе на уме, с характером, поэтому и выходил больного холерой Алексея, как ребенка, на своих руках, не поверил во всеисилье медицины. Судьба, видно, проучила Алексея. Теперь места себе не найдет. Но что там, не девица ли какая, чем она его запутала – бог весть, да и не мое дело. Впрочем, известно, чем могла запутать, ведь он молод. Но это тайна тайн.

Теперь там такая же кутерьма, как и у нас; его никто не обвинит в задержке. Да и Алексей не без головы... Лишь бы был здоров. Но Лондон велик и полон продувных бестий, которые охотятся за кем попало, только сунь им палец в рот. Впрочем, у англичан правила строгие.

Могла вскружить голову какая-то барышнешка, французенка или лондонская леди, сострадательное создание, вроде наших госпитальных аристократок.

Мусин-Пушкин, между прочим, сказал странную фразу, что Алексей Николаевич оказался умелым адвокатом. Принят в Лондоне не как военнопленный, а как дипломат, оказавшийся случайно в английской колонии во время войны и задержанный там.

Впрочем, как добавил Мусин-Пушкин, и с ним самим, и с его товарищами обошлись так же, под конец согласились не считать пленными.

Прождав полмесяца, Николай Михайлович получил телеграмму от сына, взял отпуск и выехал в Либаву.

С черного высокого борта парового транспорта по длинному трапу, ведущему как на колокольню, сходили неторопливо и как бы не веря глазам своим освобожденные пленники войны.

– Я здоров, папа...

– Что же так долго?

– Да пока ноги еще слабоваты.

Николай Михайлович начал с оттенком долго копившейся обиды, но, когда увидел близко сыновье лицо, свежестью и глазами напоминавшее мать в юности, и Алексей поцеловал его, как в детстве, нежность охватила отца, и все тени снесло, как ветром. И он представил, как рада будет ему Вера, чувствуя сейчас, как и она не может быть не мила ему, расцветшая и выросшая за эти годы. Она труженица прекрасная...

– Ну, господи благослови тебя на родной земле.

Сын-то цел, жив, приехал сынок мой. Очень нежен бывал с детьми Николай Михайлович, нежней, чем европейцы с лошадьми и породистыми собаками.

– Поедешь в деревню! На крестьянский стол! Скоро сенокос – пойдешь с косой. А то какой же ты жених! Да ты выглядишь молодцом. Мама здорова. Брат Миша идет в Данию, а потом примет канонерку на доках в Архангельске. Вера ждет, ее разожгли Пушкин и Шил-

линг. Я обещал доставить тебя в целости. Пойдем, я снял номер в подворье, отдохнешь перед дорогой. Лошади заказаны на утро, с рассветом выедем.

Теперь Николаю Михайловичу показалось, что по лицу сына пробежала тень. Впрочем, с радости что не почудится!

С лощманом, чиновниками и докторами спустились двое офицеров и подошли к Алексею попрощаться.

– See you again! ⁵

– I wouldn't like him to see you again⁶, – шутливо заметил Николай Михайлович.

– О! Папа! Папа! – закричали молодые люди, как в азарте при спортивной удаче, живо найдя сходство в лицах отца и сына, и начали жать руки Николаю Михайловичу. – Daddy!⁷

– Ты без денщика? И без вещей? С одним военным мешком?

– Денщик был. В колонии предоставляли мне в услужение Жоржа, негра, служившего до меня у одного из французских офицеров. Вещи мои в небольшом боксе. Сдадут в порт вместе с грузами, задерживаться не будем, это долгая песня, узнаем у стивидора⁸ после дисэмбаркации.

– Кэль выражанс, будь ты неладен, мой дорогой! А у тебя много вещей?

– Все, что полагается.

– Видно, наши дипломаты о тебе побеспокоились? Тебя хорошо понимали в Лондоне?

И ты понимал? Как ты жил среди англичан?

– Я в Англии почти отучился по-английски говорить.

– Почему же?

– Да не с кем было. Они неразговорчивы. Живут сами по себе и другому не мешают.

– Да, да... – подтвердил отец.

– Меня в Лондоне отыскал старый мой товарищ, выросший в России, с которым мы учились вместе. У его отца была фирма в Петербурге. В газетах опубликовали наши имена, и он прочел.

– О ком ты говоришь?

– Он англичанин, но вырос в Петербурге. Был Колька... А теперь Николай, очень уважаемый, как и его отец.

– А их фамилия?

– Эванс.

– Постой, есть же известная фирма Эванс, которая поставляла нам машины и оборудование. Наш завод делал им заказы. На днях Эванс заключил соглашение с Николаевской железной дорогой на новое устройство для паровозов сроком на шесть лет. Ты знаешь про это?

– Нет. Я знаю, что у них дела с Россией и они рады заключению мира.

– Фирма Эванс и наш поставщик.

– С нами на пароходе пришли коммерческие грузы разных фирм.

Алеша стал рассказывать, что прибыл в Портсмут из Африки, его переслали в Лондон в госпиталь на берегу Темзы, близ Гринвича, в бывший королевский дворец, который королева отдала под раненых.

– А как наш молодой государь? Когда коронация? Там я наслышался всякой всячины.

– А что ты слыхал про Герцена?

– А ты им интересуешься? Да я не знаю про него ничего как следует. Ты мне расскажи сам. Расскажи мне толком, кто такой Герцен, а то я несколько раз из-за него садился в лужу.

– Вернувшись из Лондона, хочешь в России узнать?

⁵ See you again! – Снова видеть вас! (т. е. «До новой встречи!») (англ.).

⁶ I wouldn't like him to see you again. – Я бы не желал ему еще такой встречи (англ.).

⁷ Daddy – папа (англ.).

⁸ Стивидор – лицо от порта, ведающее укладкой грузов на судне и разгрузкой.

- Одна дама сказала мне про Герцена, что это наш будущий красный царь... И это все.
 - Англичанка?
 - Да-а...
- По всему судя, у Алеши не Герцен был в голове.

Глава 5. Атлантический ветер

– Неужели может быть то, о чем вы говорите? – сказал пожилой джентльмен в плюшевой шляпе. – Это ужасно! Где же бумаги Вальтера Скотта? Надо начинать расследование.

Никто не мог сказать, где упомянутые бумаги.

– Я полагаю, в таком случае что-то вызывающее может замышляться Чарлзом Диккенсом. Убеждаюсь, что после смерти писателя надо все бумаги забирать для расследования. Кстати, это дало бы дело огромному количеству молодых людей, которых после открытия новых колледжей становится все больше, и они могут стать образованными ворами. Могли бы жить на литературном наследии.

– Это невозможно. Мы живем в свободной стране, и все делается по закону, а не по произволу.

– Хабеас Корпус Акт не об этом. Но его дух противоречит арестовыванию мыслей, записанных на бумагу.

На крыше омнибуса джентльмены спорили, как завзятые адвокаты. Упоминались Великая Хартия – Магна Чартер, Билль о правах, Конституция и Пальмерстон, и похоже, что дело может дойти до палок и кулаков, как в древнем парламенте.

– Это дело будущего, – раздался благоразумный голос. – Но какой же, вы полагаете, сэр, будет смысл, а также цель расследования?

– Я этого не представляю, – отвечал пожилой джентльмен. – Но это знают образованные люди, наделенные учеными степенями, Великая Хартия не должна нарушаться. Я бы также сказал...

Но тут возница так размахнулся, что задел оратора концом кнута по плюшевой шляпе. Все издали крики возмущения.

– Но такой закон трудно провести. Из наших союзников это может быть сделано только в Турции. А у вас есть связи?

– Да, я пользуюсь кредитом у солидного бакалейщика. А он читает газеты.

Этот разговор начался между случайно встретившимися людьми под дождем, в ожидании омнибуса.

Джентльмен помог супруге войти под узкий навес для ожидающих пассажиров, сложил большой зонтик, отряхнул его и встал рядом с Алексеем.

– Какой дождь!

– Да. Дождь и ветер.

– Ах так? Вы иностранец? Француз?

– Нет.

– Германец?

– Нет, я русский.

– Русский? Неужели вы русский? Посмотрите, моя дорогая, и это русский. Я очень рад! Давайте вашу руку. Как приятно.

Англичанка доброжелательно разглядела Алексея и тряхнула ему руку. Омнибус не шел.

– Если вам что-нибудь надо узнать по дороге, то я к вашим услугам.

– Это я вам скажу, как и куда проехать! – властно сказала дама.

– Говорят, что во всем мире увлекаются Вальтер Скоттом, – продолжал джентльмен. – Читают ли его в России?

– Да, конечно.

– Напрасно. У нас, напротив, его популярность слабеет.

– Почему же?

– Он часто бывает неточен. Хуже того, открылось, что Скотт часто описывал в своих исторических романах события, которые происходили в наше время и на самом деле. Даже с ним самим! А это обман читателя!

К этому времени под навесом собралось несколько джентльменов и все слушали с интересом и, кажется, желали принять участие в разговоре.

– Как странно! – вымолвил очень высокий джентльмен с черными как смоль усами, закрывавшими его рот. – Ведь мы всегда были союзниками на поле боя, а что произошло... Разрешите, я пожму вам руку как русскому. Удивляюсь, чем занимаются политики. Им только бы впутать нацию в какую-нибудь ненужную войну.

– Заметьте, что на этом острове совершенно спокойно... – раздался еще чей-то голос.

Ветер ударил под навес и обдал всех дождем. Никто не обратил внимания. Тем временем число ожидающих возрастало, и литературный спор продолжался.

– Он смолodu пытался писать о себе, но никакого успеха не имел. Тогда он передел современных бездельников из редакции и лаков в костюмы герцогов и королей, изображая их в исторических романах. А как вы думаете?

– Может быть, так только кажется. Со многими случаются в разные времена одинаковые истории.

– Да, сэр. Но не в этом случае. Как только все открылось, от него многие отвернулись. Шотландские патриоты намерены обратиться в Высокий суд за оскорбление памяти певца их родины. Члены ученых обществ отговаривают истцов под тем предлогом, что нельзя компрометировать писателя, известного всему миру, спустя много лет после его смерти. Это разрушает цивилизацию.

– Нет. Причина не в этом... – процедили смоленые усы, – если опубликовать всю эту историю, то окажется, что заезжие прохвосты на базарах ничем не отличаются от наших герцогов... и... и...

– А не врать якобы тоже нельзя. Если написать не в историческом романе, а прямо о себе или семейной жизни, то получишь маленькое вознаграждение и большой скандал.

Тут англичанка-викинг захохотала, имея в виду что-то свое.

Омнибус подошел, на углу торговой улицы многие сошли, но мест внутри не оказалось. Компании пришлось рассаживаться на крыше. Распустили зонтики, и началась настоящая дискуссия. Образовались две партии. Долговязый в смоленых усах снял цилиндр и тер красным платком потную лысину. Кто-то пытался поднести ему кулак к носу. Но на драчливого заднескамеечника не обратили внимания. Прения становились горячими. Перешли на Диккенса, потом с литературы на политику...

Алексей подумал, что не могут воздержаться, если речь о политике или про преступления. Близ своей остановки Алексей прыгнул, когда омнибус еще не совсем остановился.

А на улице весенний ветер, мечутся деревья под его порывами. Ветер с налетающими дождями. Прохожие с блестящими от воды зонтиками, и все спешат. Идет бездомный в опорках, с одутловатым нездоровым лицом, под рваным зонтиком. Полицейский не трогает, пока общественный порядок не нарушен. Бродяга рычит, стоя на краю тротуара, при виде дамы, проезжающей в кебе с поднятым верхом.

В пансионате, где поселился Алексей, появился купчик из России. Вчера в такой же дождь шли вместе по улице, и он сказал, что непривычно видеть ему такое множество людей на тротуарах, и все без формы и мундиров.

– А на Невском сплошь пуговицы блестят, всюду форменные шинели и каски...

– На параде? – рассеянно спросил Сибирцев.

– Нет, зачем же. На проспекте. Вы давно дома не были. А как здесь зонтики носят, обратите внимание. Хотя бы вы сами.

– Как обычно. Или в чем-то различие?

– А сколько у нас в генералы произведено, сколько наград за войну петербургским сановникам!

– Что вы хотели про зонтики сказать? – перебил Сибирцев.

– А-а! Лондонцы носят свои большие черные зонтики, держа их высоко над шляпами и цилиндрами и стараясь никого не задеть, не пряча в них голову в потертых фуражках с форменными околышами, как наша чиновная мелюзга, спешащая поутру в присутствие. Наши веселые нищие, крючки, любители покутить за счет купцов или приезжих ходатаев при случае заедут тебе спицей зонтика в лицо: чего, мол, ты рыло выставил, не видишь, чин идет.

В пансионате жил молодой китаец, стриженный и всегда в белом воротничке. Он был прислан из колонии учиться в Лондоне медицинским наукам и был рекомендован Эвансом. Видимо, у фирмы Эванс были какие-то дела и в Гонконге, и Николай уже познакомился с этим китайцем.

Кто поверит, что в богатой чужой стране, в гигантском городе, полном движения, Алексей жил, лишенный удовольствий, погруженный в свои размышления, неторопливо, почти одиноко и спокойно, как в деревне. Он начал заниматься с медиком из Гонконга китайским языком.

А на улице, где шел Алексей, пустынно, и украшенные медью двери красивых, похожих друг на друга домов плотно закрыты. Эти двери, как красные щиты, рядами выставлены вдоль улицы между белых переплетов рам над грядками цветов. Улицы Лондона казались Алексею сплошными шеренгами запертых дверей и закрытых подъездов богатых особняков, гостиниц и учреждений. Он почти нигде не бывал. Правда, открыты церкви, а в церквях ярко горели большие свечи и пели, как в концертных залах, словно население молило о прощении за свой эгоизм и отчуждение.

Алексей неделю не был у Эванса. Дом Николая открыт для него, это и согревает душу, и вызывает досаду, что лишь петербургскими знакомствами ограничен он и здесь. Хотя грех жаловаться. При случае все с ним приветливы и даже дружественны, особенно когда узнают, что он не француз и не немец. Да и у него самого нет никакого желания без дела разговаривать с людьми и знакомиться. Англичане на него не обращают никакого внимания, а он на них, и жить можно спокойно, ничем не тревожась, право, как в деревне.

Да, здесь не Гонконг, где многие дома для нас были открыты, Алексей Николаевич понимает теперь, что там принимали невольных пленников за авантюристов, за своих людей по духу, не столько за противников – об этом никто, кажется, и не думал, – сколько прежде всего за европейцев, плавающих по далекому океану, людей белой расы, которых приятно встретить, в которых видят как бы союзников. Сейчас Алексею кажется, что напрасно было бы отвергать этот союз людей, во многом очень близких друг другу. Кстати, понять это можно и по Диккенсу, и по Скотту. Отвергать только за то, что старое устройство мира и наши с ними места на божьем свете обязывали до сих пор нас враждовать.

Лондон, несмотря на свою замкнутость, закрытость, был приятен Алексею. Одиночество здесь сносилось легко, и право на самоизоляцию, которое принадлежало ему, надо было предоставить и самим лондонцам, в вознаграждение за многие богатства мысли и предприимчивость, от которых и нам польза, а им нужен отдых.

Загремел гром. Рвал ветер. Ливень лил, сметая с улиц прохожих, экипажей стало меньше. Алексей почувствовал, что ему от этой бури легче на душе, в ней пробуждалась сила, потребность к сопротивлению и к борьбе, хотя бы с ветром.

В русском посольстве Остен-Сакен рассказал, что приехал Бруннов. Он не останется послом в Лондоне. Приехал на время, чтобы, пользуясь своим авторитетом и личными знакомствами в самых высших сферах, положить начало новым хорошим отношениям. Но, видимо, чтобы показать, что Россия не намерена жить багажом прошлого, он передаст дело на руки новым людям. С ним приехали некоторые чиновники, штат посольства еще не полон.

– Бруннов узнал, что вы были с Гошкевичем в Гонконге и что он читал в Азиатском обществе лекцию о Пекине. Пожалел, что Осип Антонович уехал, и высказал желание видеть вас. Филипп Иванович хочет вам, Алексей Николаевич, сделать лестное предложение.

– Мне? – остоленел Сибирцев. Он не ждал внимания от знаменитого посланника.

– Да. Он хочет видеть вас. Желал бы задержать вас в Лондоне, чтобы вы прочли лекции о Японии в Королевском обществе.

– Но-о... но... Меня не сочтут за... Вы понимаете, в военно-морском ведомстве...

– Филипп Иванович пошлет в Главный морской штаб такую депешу, что у них дыхание перехватит и для вас найдутся сроки и средства.

Алексею подумалось с гордостью, что какой же громадный интерес вызовет его появление после Японии в Петербурге.

Бруннову он сказал, что, не являясь ученым-аналитиком, не берется делать обстоятельный доклад и что не владеет для этого достаточно языком.

– Вы можете читать по-русски, – сказал Бруннов, – переводчика для вас они сами охотно предоставят. Просто расскажите, что видели и как жили в Японии.

Филипп Иванович настоящий солидный дипломат, с блесками искр в глазах, словно ум его все время посылает электрические разряды. Разговаривать с ним легко, он разрешает задавать вопросы, быстро отвечает и запросто решает дела. Чувствуется, что в дипломатической системе он совершенный мастер. Алексей сказал, что подобную лекцию хотел бы прочесть в России.

Бруннов поморщился. Глаза выдали его, как на телеграфе выбили вспышками искр: «Ну, вы не ждите от Петербурга чего-то особенного. Сейчас там не этим заинтересуются».

* * *

А уж начались перелески и хутора Курляндии. Ели, ели, леса.

Земля во мхах, в вереске, с можжевельниками. Клюквенные болота. На заре видели, как на полянке с молодой травой собрались козули, головы у всех вместе, как матросы на баке, когда боцман им что-то объясняет.

– Увидишь, как яблони разрослись, – говорил Николай Михайлович. – И дуб твой цел, дождался тебя.

А Берзинь не дожил, погиб от холеры в Индийском океане. Мартыныч хочет жениться на Розалидне, как Янка ему завещал. Привезет сюда англичанку. Как она восторженно говорила: «Там у вас так красиво: сосны, и растет лук!» Нет, тут не только лук. Леса ходят на сибирские. Но здесь цветут сады на множестве хуторов, мимо которых идет почтовый тракт. Всюду яблони в бело-розовом цвету. Поля возделаны. Деревянные дома на фундаментах из валунов. Северный край, трудом благословенный. А матрос Янка на дне Индийского океана, куда и мне было предназначено. Кажется Алексею, что где-то тут мальчики обступили матроса, вернувшегося из Гонконга, слушают его, держа за руки. Ян Мартыныч должен быть уж на родине, жив и здоров; дошел в партии с Александром Сергеевичем Мусиным-Пушкиным и должен получить отпуск за лето.

– Ну а как Китай? Как они живут? Неужели ты был в Кантоне? – спрашивал отец.

– В колонии английские офицеры показывали мне карту Китая, добытую ими у тайпинов, китайских революционных повстанцев. На ней Китай изображен так, что все земли, пограничные с нами, находятся вне Китая. Маньчжурия не входит в его состав. Совершенно отдельная страна. За этой картой англичане не зря охотились, она им пригодится. Они уже исследовали гавани и заливы на побережье Приморья, без которых, как мы считаем, у России на морях нет будущего.

– Это мнение Муравьева, – сказал отец. – Ты встречал его?

– Да. Где он, кстати?

– Он сейчас в Петербурге. Вот ты бы и ехал к нему, туда, где открывается поле деятельности. Зачем тебе тереться в столице среди военных чиновников? Там атмосфера будет, может быть, уже родная для тебя. Сейчас в Петербурге неподходящее время...

Алексей испуганно взглянул на отца, спохватился и сказал:

– Но мне бы не хотелось покидать Петербурга... Я о Петербурге соскучился.

Алексей хотел успокоиться подле отца, вернуться с ним к прошлому, а его бередили подобные разговоры про Восток.

– Ты так интересно рассказываешь про Гонконг, что я бы сам охотно туда поехал, не будь я в чинах и при деле. Все, кто приезжает из Восточной Сибири, из Тихого океана, наши моряки, офицеры и ученые, какие-то обновленные, смело выражают свои мнения, не производят впечатление запуганных.

– Нет, отец, ни в коем случае я не хотел бы туда, – говорил Алексей, ссутулившись, словно его ловили за ворот.

– Что же так? – Николай Михайлович подозревал, что Алексей сам не отдает себе отчета в причине, которая притягивает его к Европе. Желая отвлечь сына от лондонских воспоминаний, опять помянул, что у нас люди нужны на Востоке, что там ново и чисто и нет такой массы, как в Петербурге, что ведь это так интересно: Амур... Приморье... Гонконг...

«Сказать ему: а ты знаешь, отец... У тебя... в Японии...» «Что?» – встрепенулся бы отец. «У тебя в Японии родился внук... Моя знакомая и почти ровесница, дочь губернатора Гонконга, сказала, что ради меня пойдет на все... Она давала мне не только уроки китайского... Как после этого ты будешь уговаривать меня отправиться на Восток? Ради чего? Она пойдет на все, отправится в Японию и найдет моего сына». «А у нее от тебя не будет сына?» – спросит отец. «Есть вести и похуже... Как ты на все ответишь?.. Нет, пока лучше смолчать».

– Да, я по Петербургу соскучился. А про Гонконг как-то не хочется вспоминать. Потом отойду от всех впечатлений, расскажу подробней, когда все уляжется.

Заметно было, что предстоящие встречи в столице заботят Алексея. Можно понять его.

Подул ветер, он налетел теплыми порывами и трогал щеку Алексея. Ветер дул с севера, с теплых вод, дошедших через весь океан от далеких Антильских островов. «Это атлантический ветер!» – подумал Алексей.

– Вера так выросла и похорошела. Она выказывает большое мужество.

– Верховой ездой?

– Нет, не только верховой ездой. Всю войну проработала в госпитале, ухаживала за ранеными, делала самые грязные работы. Ты знаешь, были созданы женские общины под покровительством великой княгини Елены Павловны. Читая твои письма, она заинтересовалась Дальним Востоком и океаном. И сама желала бы поехать на океан.

– Откуда в петербуржцах стремление к далеким краям?

– Да, теперь у молодежи страсть к путешествиям. А что им Петербург? Холод, ветер, в море – волны на мелях, немцы и желтая вода с глиной и с песком, льды всю зиму. Вот Муравьев и хочет найти незамерзающий порт в мягком климате. Очень интересное намерение... С меня нельзя пример брать, я у дела. Константин Николаевич намерен за несколько лет выстроить современный флот. Ты увидишь, какой новый железный корабль у меня в доке.

Алексей закрывает глаза, и отец не поймет, что вдруг с ним случилось, ушел в себя и умолк.

А ветер с севера веял через Швецию атлантическим теплом. «Не буду думать, – сказал себе Алексей. – Нет! Я твердо решил». Алексей намерен настоять на своем. Отец хочет успокоить, отвлечь и заговаривает, не зная сути, только растрavляет. Все получается наоборот: там, где надеялся найти утешение...

– А что это за произведение у Герцена, которое называется «Крещеная собственность»? Ты не знаешь?

– Это известный памфлет Герцена, написанный в эмиграции, уже давно, когда государь Николай Павлович еще был жив. У меня есть на английском, и ты прочтешь, когда приедешь... С тех пор он написал новые произведения, очень острые... против крепостного права.

– Я охотно прочту. Даже у тебя есть эти книги?

– А ты, пройдя весь свет, простых истин не знаешь, что у нас делается. Как же тебя держали в стране парламентаризма и в убежище политических изгнанников, что ты вернулся таким консерватором!

Алексей решил ошеломить отца и рассказал, как при последней встрече леди Эванс поведала ему, что была на приеме в знатном доме в честь Герцена, где его расспрашивали про Россию с большим любопытством. А он был чем-то недоволен и заявил одному из лордов, что Англия – это Голландия, и высказался сам против права убежища политическим изгнанникам в Англии и советовал его отменить.

– Чем, однако, никого не удивил. Они любят оригинальные мнения. А уж потом он зло поведал госпоже Эванс, что в современных условиях это право убежища не более как британский снобизм, что они этим желают отличаться от всех на свете, а по сути дела не питают никакой симпатии к изгнанникам, скорее – отвращение. Сам закон изжил себя. Им пользуются в спекулятивных целях. Герцен живет отчужденно, хотя его все знают. Во время войны в Крыму, когда в битвах тысячами гибли английские солдаты, в лондонских журналах были похвальные отзывы на переведенные книги Герцена. Его хвалили за то, что он предан своей стране и любит свой народ, и это во время войны и кровопролития!

А из Англии, где Алексей еще мог бы задержаться, он уходил на корабле из Нового Дока. Отправлялись на Родину последние пленные и выздоравливающие.

Проводить Сибирцева приехали молодые супруги Эванс и группа студентов медицинского колледжа с китайцем.

В глухую штормовую полночь Алексею приснилось, что он идет по улице в Челси, и вдруг вся масса красных дверей распахнулась, и всюду появились молодые мужчины и женщины, и все машут ему руками и кричат: «Алеша! Алеша!», «See you again!», «See you again!», «Come here». И ясно произносят его имя: «Алеша! Алеша!»

А папа заметил, что я вздрогнул, когда, прощаясь у борта, офицеры сказали: «See you again».

Глава 6. После войны

В Ростове, так же, как и во всей армии, из которой он приехал, еще далеко не совершился тот переворот в отношении Наполеона и французов, из врагов сделавшихся друзьями, тот переворот, который произошел в главной квартире и в Борисе. Все еще продолжали в армии испытывать прежнее чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте и французам.

...Ростова странно поразила в квартире Бориса вид французских офицеров, в тех самых мундирах, на которые он привык совсем иначе смотреть из фланкерской цепи.

...Как только он увидел высунувшегося из двери французского офицера, это чувство войны, враждебности, которое он всегда испытывал при виде неприятеля, вдруг охватило его.

Л. Толстой. Война и мир

Муравьевы жили в трехкомнатном номере окнами на Исаакиевскую площадь, в модной гостинице с плоским скучным фасадом цвета казенного шкафа в узких стеклах. Внутри этот шкаф с большими и удобными квартирами. Приезжая в Петербург из Сибири, Николай Николаевич обычно тут останавливался.

Отпуск с выездом за границу для лечения в Мариенбаде ему разрешен. Екатерина Николаевна отправляется во Францию к своим родственникам. После лечения Николай Николаевич приедет в По, где имение у родителей Екатерины Николаевны.

Время в Петербурге проходило в делах, встречах и в театрах. Муравьевы бывали у друзей и знакомых и у себя в отеле задавали обеды на широкую ногу.

Николай Николаевич продолжал визиты по министерствам и департаментам. Он приехал с обдуманными планами и энергичными намерениями. Он понимал, что нельзя опережать события, должно пройти время, чтобы новый порядок хоть немного устоялся.

...Вечером Муравьевы были на концерте.

Сердце отдыхает, сама Вена с ее ранней весной на Дунае утешает Петербург. От Вены для Екатерины Николаевны мысленно прямой путь в Париж, и теперь уже близкое совсем путешествие чувствуется в волнах прелестной легкой музыки так, словно катишься на рессорах по дорогам Европы, обсаженным вековыми деревьями.

Композитор обернулся к бушующему пылкому залу.

– Штраус!.. Штраус!.. – кричат голоса. – Иван Штраус...

Иван Штраус, так зовет его Петербург, так пишут в газетах и на афишах. Его лицо неузнаваемо красно, обезображено от пота, счастья и волнения. А при первом поклоне он был серьезен и бледноват и походил на типичного немецкого студента, капельмейстера университетского оркестра или хора.

Екатерина Николаевна глянула на мужа, чуть тряхнула темной прической и поднялась вместе со всеми.

Сколько прелестных белоснежных рук петербурженков одаряли аплодисментами молодого концертанта-дирижера.

Вальс. Над Дунаем кружатся спокойные и веселые австрийские крестьяне в праздничных нарядах. И сам композитор в элегантном фраке, с белоснежной крахмальной грудью, как развеселившийся венец на народном гулянье.

В своем отечестве пророков не бывает, как знает Екатерина Николаевна. А Петербург в таком восторге; после войны и многолетнего бесцеремонного угнетения – отдыхает и ликует; здесь угадывали дар артиста и принимали его, обещая будущее.

Полька... Галоп... Вино, любовь и песни... Конец войне, конец тирании, свобода крепостным. Полный успех этого белокурого, холодного на первый взгляд немца. Он обретает здесь вторую Родину; может быть, сейчас та великая минута, когда гений познает себя, силу своего творчества. Россия всегда благодарила Европу за таланты, общество ума и вкуса делало это грациозно и щедро. Екатерина Николаевна украдкой протянула руку и тихо пожала руку мужу.

Штраус обласкан. Он осыпан цветами. Его всюду узнают и приглашают. В газетах сообщено, что Иван Штраус лето будет дирижировать оркестром в Павловске на гуляньях и в театре. Конечно, и во дворце.

«А что же мы?» Муравьев сам себе подлил сегодня масла в огонь, прочел, что союзники, еще не ушедшие из Крыма, удивляются, когда при встречах с ними наши офицеры говорят по-французски.

Музыка отторгает Николая Николаевича от понесенных уронов и от замыслов реванша, напоминая, что нет жизни без радости, без забвения вражды, что раны должны заживать. Музыка разговаривала с генерал-губернатором Сибири про загородные рощи, катания и скачки, и сказки венского леса и что настоящая победа бывает, лишь когда нет побежденных.

Оглушительный взрыв восторга. Вкус и чувства русского общества не вытравлены, и это выше любого реванша Трава, обреченная на иссыхание, оживала при первой поливке. Композитор, может быть, не сразу поймет, что обретает здесь. Вена дала ему образование и выработала характер, Петербург дарил веру в себя. Композитор, с чуть надутыми губами балованного мальчика, сам расписывал партии своих произведений для инструментов этим солидным и почтенным музыкантам Мариинского оркестра, похожим на московских бояр. Он их разжег... Влил венгерского вина в их жилы. Его чуткое ухо улавливает каждого из них в общем согласии. Он трепетно слышит и публику, музыку ее чувства в безмолвной хрустальной яме театра. Публика сливается с оркестром, он ловит ее замиранья и беззвучные взрывы откликов.

Тишину сметала канонада аплодисментов, словно грохотали салюты и происходила коронация.

Светлый австриец с припухлыми губами на озабоченном красном лице стоял, как избитый.

...Хмурое ли утро? Нет, весенний солнечный день с жестким ветром.

...А вот уметь заставить талант почувствовать, что он не талант, подумал Николай Николаевич, вспоминая вчерашний концерт, для нас это куда проще и спокойней, привычней и чаще встречается. Не дай бог, у меня в Иркутске народится местный талант. Да и никто, ни в одной губернии этого бы не потерпел».

День прошел в военном министерстве и картографическом управлении. Муравьев вернулся к обеду довольный, упоенный предчувствием успеха и преисполненный тайного гнева. Он надеялся, что со временем этот гнев можно будет выпустить из клетки и превратить в полезное дело.

Вечером за обедом был Егор Петрович Ковалевский.

В Крыму при штабе главнокомандующего, зная греческий, турецкий и арабский языки, Ковалевский всю войну получал тайные письма из Балаклавы, Константинополя и Скутари. Лазутчики шли к нему, и сам он, отрастив и выкрасив хной бороду, с надежными проводниками через чащи за Бахчисараем проникал за укрепленные линии противника.

Деятельность его оставалась в тени, он известен лишь как ученый-путешественник, этнограф, археолог, остроумный писатель-беллетрист, бывавший в Африке, в арабских странах, в Турции, в Египте и в святых местах. Неожиданно для публики Ковалевский в конце войны получил чин генерал-майора.

Только в кругу друзей он мог рассказывать, что в книгах не напишешь.

Егор Петрович назначен директором Азиатского департамента в министерстве иностранных дел у Горчакова.

Муравьев знаком с ним давно, бегло, но дружественно. Теперь Муравьев формально поступал по всем дипломатическим делам в его ведение. Ковалевский бывал и в Китае. Он тем нужней, что можно угадать общность взглядов.

– Мне нужны офицеры, знающие китайский и японский языки, – заметил Муравьев.

Он желал бы найти молодых сотрудников. Муравьев из них, как из глины, умеет лепить своих людей.

Ковалевский увлек гостей рассказами про Ближний Восток.

«Ковалевский, – думал Муравьев, – реакционер. Проливы и Царьград – больные претензии империи, унаследованные от московских царей и от древних князей. Времена переменялись».

Муравьев не спорил, он притворно соглашался и, лишь упоминая временами, что делается у него в Сибири, умело привязывал Ковалевского к своим интересам: к другим краям и землям, где выход к морям и к океанам свободен и не потребует завоеваний и кровопролития. В душе Муравьев не согласен, что нам нужен Босфор и Золотой Рог в Турции и святые места в Малой Азии. Мы влезем туда себе на пагубу. Он признавал лишь, что освобождение славян от власти турок придется довести до конца.

Как умный человек, Ковалевский не мог не понять, что Николай Николаевич, сравнивая успехи на Тихом океане с провалами войны, предлагает размен неудачной и разбитой политики на Ближнем Востоке на нашу деятельность на окраинах Сибири. За Царьградом и проливами – тупик, тучи азиатских народов, всякая вражда их между собой и с нами, резня, постоянная опасность войн со всеми европейскими державами.

За устьем Амура – Япония, за океаном – Штаты, прямая торговля с ними идет. На другом берегу Амура – Китай. Это будущий мир гигантской торговли, которой России недостает. Золото Сибири даст крепость нашим будущим деньгам.

Русские деньги могут быть самыми сильными в мире, у нас золото. Ценные деньги пробуждают энергию в народе.

Ковалевский с явной благожелательностью слушал про путешествия Муравьева, про встречи и знакомства с китайскими чиновниками, которые год от года становятся все более общительны.

Муравьев был принят молодым государем. В тех же комнатах Зимнего, на втором этаже, где когда-то был принимаемым им же – наследником. Кабинет Николая в нижнем этаже, с его шинелью, каской и бюстом Бенкендорфа, заперт, хранится как святыня.

Александр спал в весе, стал стройней, он с любопытством посмотрел на Муравьева, которого давно не видел, но слышал о нем немало.

Александра Николаевича, в его 38 лет, можно назвать красавцем, если бы не огромный рост и большие глаза, в которых иногда проступает отцовская требовательность.

Слухами земля полнится. Трон меняет и обязывает. Александр сохранил простоту обращения. Да беда, что вокруг, как говорят, нет людей.

Александр знал Муравьева и доверял ему. Не только служба ему порукой. Муравьев закончил Пажеский корпус, служил в гвардии Семеновском полку, был на войне и в походах, ранен, награжден за храбрость. Александр рос при гвардии и любил ее питомцев. Считалось, что гвардия и Жуковский образовали его.

Муравьев подавал отцу записку об освобождении крестьян. Александр слушал Муравьева в 1850 году в Амурском комитете, находил его доводы логичными, заступался у отца, когда министры были недовольны. Все последующие годы Муравьев слал ему записки о делах Сибири.

Но, кроме того, Муравьеву покровительствовала великая княгиня Елена Павловна – когда-то он был пажом. Принят в ее дворце как свой. Для нее он – Коля Муравьев, ее бывший паж, оставшийся любимцем. Великая княгиня Елена Павловна мнение о близких и своих привязанностей не меняла.

Александр разговаривал с Муравьевым как со своим, от кого нет секретов. Он свой не в первом поколении, его отец, семья, в которой вырос, известны при дворе. Говорили, что молодой государь часто колеблется, окруженный неуверенными людьми, бывает нерешителен.

Но сегодня, слушая твердое и ясное мнение про дело, начатое еще его отцом, он оказался тверд.

– Ты хочешь, чтобы я сделал тебя полномочным министром по сношениям с Китаем и Японией? Но даже самодержавная власть должна считаться с принятым порядком.

В его мягкой речи угадывалась сила ума и характера, он был безупречно вежлив и интеллигентен. Смысл его слов очевиден, тон не менялся, и общий характер воспитанности не покидал государя.

Александр спросил о ссыльных в Восточной Сибири, сказал, что готовится амнистия и полное прощение участников восстания на Сенатской площади.

Дальше государь заговорил совсем как с сослуживцем по полку.

– В августе предстоит коронация. Государство в долгу, денег в казне мало, запас в крепости почти иссяк. После войны обнаружено много ужасных изъянов... Право... В Европе полагают, что Россия разорена, беднеет и все в развале. На коронацию не будем жалеть средств и затеяем торжество, каких Европа еще не видела. Придется выдержать тяготы. Будем выпускать заем. Приедут посланцы всех дворов и правительств, масса гостей. Покажем, что Россия изобильна, ей есть чем торговать, она сыта, что глубинные силы ее крестьянства и экономические возможности велики. Пусть убедятся, что, если бы мы обрекли наших противников на отечественную войну, нам бы достало сил и средств, а им бы несдобровать. Только не хочется мне принимать с былыми почестями посланцев королевы Виктории. Отец надеялся на лордов. Сердце не может простить... От имени королевы прибудет независимый лорд Гранвилл. Королева мила, я помню ее хорошо.

– Да, п-пришли, Муравьев, на мою коронацию, – испытывая неловкость, Александр иногда заикался, – п-представителей сформированного тобой к-казацкого войска Я хочу видеть двух казаков-забайкальцев на торжестве... Какая же форма у них?

– Желтые лампасы.

– Ты молодец, Муравьев!

Муравьеву лестно внимание и доверие государя.

Преисполненный воодушевления и благодарности к царю, он уезжал из дворца. Лишь спустя время Николай Николаевич осознал свое притворство и хитрость.

Убеждения Муравьева давали сильный крен по тем же причинам и в ту же сторону, как в свое время у декабристов. Милость государя возвращала его к чистым детским понятиям о монархии.

В декабристах, находившихся в ссылке в Иркутске и в деревнях под городом, Муравьев обрел задушевных друзей, отстраняя от себя силой деспотической власти подозрительных чиновников и отбивая им охоту и возможность следить за собой.

Еще в 1854 году, впервые возвратившись с Амура, на другой же день велел он закладывать лошадей и помчался по высокому берегу еще не замерзшей Ангары в пригородную деревню Малую Разводную, где на окраине стоял двухэтажный дом Юшневских и где собиралось общество близких людей, как бы новый Союз благоденствия. Тут он чувствовал себя как лазутчик, возвратившийся к заговорщикам. В верхнем этаже с окнами на Ангару, среди верных единомышленников казалось, что цель может быть достигнута, смысл найден, за вином и опьяняющими речами время останавливалось.

Тут, в Малой Разводной, в доме с краской цвета солнца по доскам обшивки, казалось, возникала школа мудрости Сибири, ее академия и университет.

А в нижнем этаже, в узеньком коридорчике, увешанном теплой верхней одеждой, посиживал служивший у Юшневской на конюшне и по дому молоденький смысленный паренек Котька Пятидесятников.

Потом, глубоким стариком, рассказывал Константин Яковлевич Пятидесятников про свою службу Юшневским, про приезды к декабристам Муравьева, возвратившегося с Амура, про кутежи по этому случаю в Разводной и про внезапную кончину одного из братьев Борисовых, живших в этом же доме, и как в том же 1854 году другой брат, не снеся потери, покончил жизнь самоубийством. И про многие другие события тех лет...

Глава 7. Пароход «Америка»

Возобновлялись рейсы пассажирских пароходов между Петербургом и портами Европы. Из Соединенных Штатов возвратился Петр Васильевич Казакевич. На нем нет оттенка озабоченности, как на переживших войну. Не он потерпел поражение и не виноват в проигрыше. Человек Нового Света, который сам начинал создавать в Сибири на далеких, при его участии открытых побережьях во время европейских раздоров. Вид иностранца. В Петербурге у него дел – по горло, и все не о войне. Его выслушивают охотно и пытаются содействовать. Сменил американский клетчатый костюм на мундир капитана первого ранга, переменил походку и ездит на официальные и частные встречи.

Петр Васильевич петербуржец, у него тут родня, знакомые, сослуживцы и покровители, целые дни проводит на людях. Холост, мил, в гостиных принят, с дамами и девицами любезен.

Муравьев пригласил к себе в отель для обстоятельных и откровенных разговоров.

У Николая Николаевича Муравьева полно забот, и вокруг сплошные опасности. Сейчас в Петербурге происходит бурное круговращение, начинается пыльный чиновничий смерч. Происходят перемены, все друг друга сталкивают с насиженных мест, хотят служить либеральному царю. Тут могут и вознести внезапно, но могут и сбить с должности, убрать и забыть. Тогда прощай не только мундир, положение и грядущие награды, ордена и звезды, которые так и просятся на грудь к Николаю Николаевичу, но и мечты о будущем, и потаенная служба прогрессу, намерения преобразить страну и самому преобразиться. В эту пору надо сидеть в Петербурге, уезжать недалеко или ненадолго.

В Париж надо обязательно. Это зеркало Петербурга, после войны можно посмотретья в него снова. Необходимо лечение. При этом Муравьев отлично помнит про все дела на Дальнем Востоке. Голова у него ясная. Он полагает, что если бы даже был ничем, кроме как чиновником, и то карьеру надо делать, основываясь на интересах земли, а не на интересе столичных партий и пересудов. По мере возможности совмещать одно с другим.

– Проводить железную дорогу из верховьев реки к Байкалу, как желают американцы, конечно, надо, – говорил Николай Николаевич своему собеседнику и еще недавнему верному сподвижнику. Но и он, и Петр Васильевич Казакевич полагали, что делать это надо самим. И не только до Байкала. – Прежде этого надо проводить телеграф. Позор и потеха, когда курьеры скачут через Сибирь с письмами. Это только авторы оперетт могут предположить, что послы и дипломатические курьеры могут скакать поперек Сибири по снегам, напрямую. На самом деле все не так просто. А железную дорогу проводить придется мужикам, солдатам и каторжникам.

– Для того чтобы дать американцам право плавать их пароходам по Амуру и торговать, сначала надобно нам самим утвердить за собой трактатом такое право, которого у нас формально нет, хотя мы плаваем и заселяем там земли.

Как ни бурлив кипящий котел столичной жизни после войны, а у Муравьева в голове своя загвоздка. Тут ему нелегко приходится, крутишься вокруг себя, как на коне, и отбиваешься от множества опасностей, как саблей в бою от чеченцев или турок. Чуть что недоглядишь – и самому ссекут голову. Раз Муравьев голова всему делу, то беречь приходится себя в первую очередь. Тяжкие коренные дела он намерен возложить на Казакевича, если Петр Васильевич из-под его руки не вывернется, не пойдет сам в гору после Соединенных Штатов.

– Как только заключили мир, я послал курьером в Николаевск-на-Амуре полковника Мартынова. Велел казаков и солдат, собранных мной там для сражений против англо-французских десантов, немедленно возвращать вверх по реке в Забайкалье. Они все из Забайкалья, в прошлом и позапрошлом годах прибыли в низовья на баржах, которые вы строили.

Муравьев возвращал мысли Казакевича в глубь земли своей.

– На чем же, Николай Николаевич, они пойдут против течения?

Казакевич вспомнил реку, ее течение, бури, безлюдье, мели, разливы. Это мука – выгребаться 3500 верст против течения. Успеют ли? Кто же их накормит в пути?

– Для возвращающихся солдат я послал распоряжение – ставить по реке склады с продовольствием. Муку и масло сплавят за льдами из интендантских складов с Шилкинских заводов.

«Пойдут сноровкой, – подумал Петр Васильевич, – как у нас принято». «Чем рыбу ловишь?» – спросил он однажды казака в тех местах. «Головой, ваше высокоблагородие». Так и пойдут они не спеша. «Головой», к семьям, где толкаясь шестом, где под парусом и на веслах, где подобьют утку, рыбу ловить некогда, всюду – впроголодь. Не на буксире пароходов.

Судя по рассказам Казакевича, американцы со стороны судят обо всем трезвей, они дают нам толчок действовать, торопят, им наше дело на Амуре кажется исполнимым и даже исполненным. Муравьев сказал, что если мы учредим на Амуре порто-франко, но закроем вход кораблям в свои реки, то это в Петербурге могут принять. Но чтобы строить железные дороги, города и создавать всевозможные компании, пустить иностранные фирмы на внутренний рынок в таких размерах, как этого желают янки, – сначала надо переменить в России государственный строй.

– Сегодня государь император утвердил образование Приморской области с местопребыванием губернатора в городе Николаевске-на-Амуре, на реке, вами открытой, Петр Васильевич!

Теперь наконец все становилось ясным. Вот к чему шло! По прибытии Казакевич являлся к великому князю Константину. Но ни о чем подобном речь не заходила, поскольку тогда решено еще ничего не было. Но теперь... А впрочем, Казакевичу, судя по всему, адмирала дадут.

Разговор опять соскользнул на возвращение войск. Мы их там в низовьях собрали и «боя ждали», а никто не пришел, а как теперь приморскому губернатору быть с этими тысячами уже ненужных там людей? Когда-то Невельской возмущался: «Не стройте вы крепостей в новом краю, вы хоть здесь позабудьте свои бюрократические понятия о покорениях, тут у вас врагов нет, а на случай войны леса и сопки лучше всяких крепостей. Зачем сюда гнать народ, когда мы с нашими небольшими отрядами сумеем сопротивляться, противник ничего не сделает, а блокадой лишь докажет наши права». «Пусть палит, – как мои казаки говорят, – леса повалит дивно».

– Китайцы нестерпимо тянут и путают нам все карты, – продолжал Николай Николаевич. – Низовья Амура уже заселены, там пять русских сел на берегах, посты в Декастри и на Сахалине. Идет ломка угля. В Николаевске порт и город. Губернатор Приморской области, он же командир эскадры и портов, будет самостоятелен, ему на месте окажется все видней. Там предстоят исследования, которые вами, Петр Васильевич, были начаты. Кто же теперь их будет заканчивать, когда мы приближаемся к решению всей задачи, к вершине дела. В ваших руках будет новый паровой флот.

«Опять в ледяной погреб?» – подумал Казакевич. Не хотелось бы ему. Но предложение лестное. Если придется согласиться, то все же не долее чем на два года. За два года можно дело привести в порядок, основать учреждения и произвести исследования. Муравьев подкрепит права трактатом. Дипломатию он берет на себя. Самосплавом по Амуру пойдут товары и продукты. Реку придется открыть для американской торговли. Да и сейчас она ни для кого не закрыта. Только при условии, если Петру Васильевичу позволят черпать для нового края из Соединенных Штатов все, что найдет нужным, он согласится. Каждый знает, как расчетлив Казакевич и лишнюю казенную копейку не истратит. Современные машины и корабли.

Муравьев убежден, что Петр Васильевич создан для Приморья. Он был старшим помощником капитана на «Байкале» во время кругосветного перехода и при начале исследований. Он и строил «Байкал» в Финляндии, живя в Гельсингфорсе на верфи. После кругосветного построил пароход в Забайкалье и снарядил целый флот барж и судов с войсками и артилле-

рией, отправленный вниз по реке, во время войны. После этого был послан через Швецию, с паспортом на имя купца Степанова в Соединенные Штаты. Заказал там пароход, жил на верфи, наблюдал за постройкой, был при спуске и испытаниях. Привез чертежи других купленных судов и контракты на новые заказы. Теперь построенные в Америке корабли идут к устью Амура.

Военный пароход «Америка» – драгоценный подарок Муравьеву и нашему флоту. Корабль хорош во всех отношениях и пригоден на все случаи жизни. Мелко сидит, может проходить через бары на реках, пригоден для открытий и описей бухт, заливов, рек.

Петр Васильевич знал условия, в которых судну придется плавать, и сам принимал участие в конструировании. Американские инженеры поняли, что не понаслышке знает дело, что и для чего заказывает.

У них опыт огромный, давно строятся пароходы для плаваний по великим рекам. Но тут надо, чтобы пароход, пригодный для рек, мог плавать в океане. Не расспрашивая заказчика, отлично представляешь, что он намеревается предпринимать. Разлюбезное дело – подготовка корабля для экспансии в новых морях; по самому последнему слову техники должна быть построена такая посуда. На корабле придется ходить в другие страны. Плавать у своих берегов, совершать исследования. Исполнять дипломатические поручения. Над заказом вместе поломали голову.

Когда построенный пароход выходил из Штатов с американской командой, в которой были двое механиков, нанятые Казакевичем по контракту на пять лет, а также люди, знакомые с плаваниями у наших побережий, война еще шла вовсю. Пароход шел под звездным флагом. Ему предстояло переплыть два океана и достичь Амурского лимана. Его морским качествам предстояло испытание. Строители уверяли, что Казакевичу нечего беспокоиться, дойдет благополучно. Обычно люди, имеющие дело с морем, суеверны и так не говорят. Американцам хоть бы что, не такой народ, уверенно заявляют: «Дойдет, не беспокойтесь». Никаких чертей и никаких плевков за спину.

Казакевич похвалил людей, среди которых пожил. Все там у них устроено просто, дворян нет. Слуги обедают с господами за одним столом, едят одни и те же кушанья. Бродяги составляют корпорации и обращаются к властям с петициями и предложениями, как все прочие граждане.

– Собралась ватага бродяг, более полусотни, и отправилась по вновь построенной железной дороге. Со станции подали в город телеграмму. Сообщили мэру, что завтра приезжают к нему в город, любезно обращаются с просьбой и обещают, что, если их покормят, они спокойно отправятся дальше. На станции их встретила полиция. Бродяг пригласили в хороший ресторан, накормили хорошими блюдами и дали им ночлег, наутро любовно расстались. Со следующей станции бродяги прислали мэру благодарственную телеграмму. Никто с них не требовал паспортов, видов на жительство и объяснений, откуда родом, как попал, сколько раз сидел в тюрьме.

– Вот наше правительство учредит каторгу на Сахалине, и, когда оттуда побегут бродяги, они вам, Петр Васильевич, как губернатору пришлют телеграмму с просьбой накормить и с почтением отправить дальше. Прикиньте-ка, дорогой мой, на свой аршин и вспомните в Николаевске, как вы чувствовали себя американцем, заказывая в Штатах дорогие пароходы.

На бортах парохода выведена «America». По переписке с Петербургом обо всем договаривался Петр Васильевич и на все получал соизволение. Великий князь название утвердил. Не без ведома государя. Стэкль – наш посол в Вашингтоне – обо всем сообщал в министерство иностранных дел своим чередом. Шли также бумаги в Главный морской штаб. Переписка Петербурга с Вашингтоном и во время войны и после возрастает.

На пароходе, название которого должно символизировать дружбу великих держав, идет в эти дни через Тихий океан и – если верить американцам – вот-вот дойдет груз, оборудова-

ние целого завода, станки, машины, инструменты. Паровые котлы для механического заведения, которое американский инженер и мастера, идущие на судне, установят в Николаевске-на-Амуре.

Муравьев полагает, что Казакевичу по прибытию к месту службы надо постараться учредить судостроительные предприятия.

– Постройку частной верфи надо отдать на руки иностранцам, – сказал Казакевич. – Казне со временем понадобится большой док, зачем же спешить, если главная наша цель на юге.

– В чьи же руки?

– Только англичанам. По их частной морской прессе замечен некоторый интерес к гаваням южного Приморья. Это не должно смущать нас. Зачем нам целиком подпадать под влияние американцев, как бы мы дружны ни были.

Муравьеву известно, что представители американских компаний и банков прибывают на днях в Петербург на корабле. Их инженеры намерены отправиться в Сибирь для изысканий, туда же собирается известный писатель. Последние известия о нем были, что намерен пройти весь Амур от низовьев и через Сибирь прибыть в Петербург.

– Вот поэтому я строю никому не нужные крепости на Амуре. Я могу рассуждать о цивилизации грядущего века, но мне не позволят служить, если я не отпрапую в Петербург, что установил батарею, построил казармы, воздвиг триумфальную арку, заткнул вход в Амур, как пробкой, и что никакого лишнего влияния мы не допустим. Примите и вы, Петр Васильевич, этот неперемный закон для признания вас.

...Муравьев побаивался холода Мраморного дворца и великого князя генерал-адмирала. На этот раз при встрече Константин оказался покладист. Недоверия его как не бывало. А известно, что моряки, возвращающиеся в Петербург с востока, жаловались Константину на Муравьева, говорили про него, что не моряк, а лезет не в свое дело. Зачем далеко ходить, Невельской расстался в разладе с Муравьевым и возвратился в Петербург. В юности Константин был у него на корабле в вахте. Такой офицер для молодого моряка, знакомый с ранних лет, остается для него на всю жизнь кумиром.

Константин знал, что дело разграничения по Амуре государь возложил на Муравьева и дал ему все полномочия.

Константин высок ростом, тяжел сильным телом атлета, он решительней и сильней брата, проще его, меньше занимается церемониями. Хотя и ему, как и каждому члену царской семьи, приходится постоянно присутствовать на всяких торжествах и приемах, это набивает Константину оскомину. Он рос и мужал на корабле в плавание. Приемы, встречи, торжества и церемонии, полковые праздники иногда невыносимы даже для Саши, как Константин называл царя, но все же Саша их любит. Да и кто из военных не любит парада.

А Константин привык к морю, иногда ругается как матрос. Если на что-то идет, то готовит дело как следует. У нас бывает, что если человек к чему-то способен, выказал ум и характер, то его заставляют заниматься множеством разных дел, так получается и с Константином. На него много государственных забот наваливают.

Константин рад, что брат выказал определенность, благословил Муравьева и позволил ему самостоятельно решать дипломатические дела в отношениях со странами Дальнего Востока. Как бы ни кривил душой Муравьев, но дело его говорит само за себя. Казакевича он берет себе. Казакевич будет произведен в контр-адмиралы. Дал согласие, но оговорился, что на два года.

– Посмотрите чертежи и рисунки парохода «Америка», какие представил Казакевич, – говорил Константин, подводя Муравьева к чертежному столу.

Рисунки, полученные Муравьевым, попроще, поскромней и размером поменьше. Тут вычерчено все в подробностях, с деталями, а рисунки исполнены в красках. Американские

строители прислали великому князю картину, исполненную масляными красками. Весьма внушительно выглядит пароход «Америка». Там судостроители заказывают художнику произведение живописи в подарок солидному заказчику.

– Не правда ли, хорош? Какая прелесть! Посмотрите рисунки кают, салона, палуб, вот машина... Все до мебели и мелочей. Это будет ваш пароход, Николай Николаевич! Каюты для офицеров, для свиты, а вот помещение для матросов, вполне демократическая идея заложена в этом пароходе. Тут не только труды и заботы Петра Васильевича и нашего посла. У американцев большие надежды на Россию.

– Ни теперь, ни в будущем ни в коем случае нельзя позволять иностранным судам входить в Амур выше Николаевска, – сказал Муравьев. – Торговать – милости просим.

– Со временем вам придется идти на этом пароходе в Японию, трактовать там, исправлять неточности и неопределенности, допущенные Путятиным при заключении Симодского трактата. Придется пойти в Калифорнию. Мы помним, что Аляска наша. Главное и неотложное – Китай.

Редко удавалось Константину Николаевичу обрести хорошее настроение, и тогда он любил помечтать.

Муравьев сказал, что на переговоры с китайцами на Амуре не надо приводить такого хорошего парохода. С ними чем проще, тем лучше. Надо естественно. Быть такими, как мы всегда. Обойдемся с ними и речным хорошим пароходом. Нам не надо быть похожими на англичан. Другое дело – в Японии. Там паровые суда всех классов, со всех стран света. Из Голландии, из Штатов, Англии, Франции, Испании. Японскому императору в подарок от ее величества королевы Великобритании пошла паровая яхта.

Константин об этом читал в донесениях из Лондона, в рапортах по флоту и в европейских газетах. Он видел напечатанные фотографии яхты японского императора. А мы послали ему в подарок шхуну «Хэда», живую историю японо-русских отношений в пору, когда подобные сантименты во всем мире никого больше не трогают. Да и сами японцы вперед глядят, народ практический и скоро все забудут. Японцам нужны пароходы. Англичане тут как тут...

– Но еще нет парохода. Корабля еще нет! – воскликнул Муравьев.

– Я получил с нарочным с устья Амура извещение, что пароход «Америка» пришел. Вместе с другими американскими судами он не может войти в лиман. Стоит за льдами, близ залива Декастри. Сама бухта очистилась, но дальше лед, и они на якоре в ожидании открытия прохода к Николаевску... Нам нужен телеграф через Сибирь, Николай Николаевич! Пароход пришел без повреждений, грузы доставлены в целости. Сообщение от полковника корпуса штурманов Дмитрия Ивановича Орлова, вашего приятеля. Американцы пришли, имея на борту нарты и собак. Зная местность, как пишет Орлов, они спустили собак на лед, и двое американцев добрались до нашего поста.

«За чем же стало, Константин Николаевич, – подумал Муравьев, – чем вам собираться в плаванье в Сирию да в Святые Места, объединяющие верной и праведной религией народы, или ехать в Англию как частное лицо в гости к королеве, поехали бы вы лучше и познакомились с Дмитрием Ивановичем Орловым. Конечно, нужен телеграф через Сибирь до зарезу. Нужна железная дорога. Это редкий случай, что на оленях и на лошадях примчали рапорт с Восточного океана в Петербург за короткий срок. А там, конечно, за это время все переменялось, и льды разошлись, и леса зазеленели».

– Для Японии вам пригоден любой из офицеров, служивших в экспедиции у графа Путятина. Из плена возвратился Сибирцев Первый. Он выучил японский язык, живя в Японии, вполне подготовлен. Теперь вам с японцами будет гораздо трудней, чем Евфимию Васильевичу. У них аппетиты растут, тревога сильна за будущее своего царства. С ними нужна величайшая осторожность и осмотрительность, и тут Сибирцев как свой. Плавал в Японию, немало может помочь. Из Лондона Бруннов писал, что Сибирцев, который из-за болезни задержался,

все время употреблял на изучение китайского языка в Лондоне и, как оказалось, вполне порядочно говорил с китайцем, которого англичане привезли учиться в свою столицу и хотят дать ему современное медицинское образование. Такие интересы, проявленные Сибирцевым, характеризуют молодого офицера как личность, заслуживающую внимания, которой нельзя позволить затеряться.

Мраморный дворец! Великие планы. Цели, о которых Муравьев говорил здесь и в Малой Разводной с декабристами, едины, они сходятся. Но здесь смеют все решать, и в этом разница.

– Я дарю тебе, Муравьев, – сказал Константин Николаевич, – шесть новых винтовых корветов и шесть клиперов. По мере спуска их на воду будем проводить испытания, комплектовать экипажи, назначать капитанов и офицеров и сводить корабли в отряды. Пойдут к вам в Тихий океан.

Константин действительно намеревался поехать в Святые Места и в Англию. Он сказал, что хотя мир заключен и отношения восстанавливаются, но еще не вошли в колею и сохраняется холодность. И нам надо побеждать себя, перебороть неприязнь и по возможности помочь им в этом же. Будущее покажет. Надо обрести новые отношения, без чего невозможно жить государствам. Королева оказалась бессильна, пытаюсь предотвратить войну.

У Казакевича отчеты по поездке в Штаты еще не закончены. Многочисленные документы представлены в Адмиралтейство. Ему придется засесть там с морскими крысами за разбор документов.

Казакевич явился в Главный морской штаб к барону Врангелю.

Фердинанд Петрович поздравил его с производством в контр-адмиралы. Подробно говорили о делах по флоту на востоке и о портах Приморской области.

Врангель попросил рассказать про ранние события на Амуре, что и как происходило, когда корабль «Байкал» подходил к устью реки и были совершены открытия. Обычно Врангель избегал подобных разговоров. Это было старое и неприятное дело, в котором сам он был замешан и до какой-то степени скомпрометирован открытием Невельского. Когда-то исследования эти поручались компании, во главе дел которой находился с постоянным пребыванием на Аляске адмирал Фердинанд Петрович. Он посылал судно, но получилось все неудачно, он представил в Петербург, что вход в Амур невозможен. А Невельской – мальчишка без ума, вырвал его карты.

Казакевич почувствовал, что адмирал решил коснуться больного места. Значит, обида его прошла; встав во главе флота, он желает служить делу беспристрастно и знать подробности. Дело важное для государства. Мы возвращаем себе территории, которые нам когда-то принадлежали. А право доказано Невельским и подтверждено исследованиями. Врангель, видимо, успокоился и готов выслушать. Шел на мировую с наукой.

Петр Васильевич день в день стал рассказывать, как подходил корабль, как вокруг были мели, среди них глубокие каналы. «Байкал» стоял на якоре, а шлюпки ходили с промерами. Казакевич сказал, что ему посчастливилось: идя на «шестерке» со своими матросами, заметили сильное течение, идущее в море из-за скалы. Прошли скалу и увидели огромную реку.

– Так-так! – весьма многозначительно вымолвил Врангель, слушавший с острым интересом и закивавший головой, как судья при признании подсудимого.

Петр Васильевич понял, что у знаменитого адмирала боль еще не отошла. Значит, Врангель затеял разговор с каким-то другим умыслом.

Казакевичу не раз пытались внушить, что это он является главным открывателем реки. Разговор потерял для Петра Васильевича приятный смысл дорогих воспоминаний. Повеяло службой, штабной склокой. Он предполагал в знаменитом собеседнике сочувствие к делу, а не попытки столкнуть между собой личности, и поэтому был вполне откровенен. Он еще не в

силах был сразу перемениться. Ведь суть в открытии. А первым, кстати, матрос Конев заметил и догадался, что это Амур.

Но самолюбие давало себя знать иногда и Казакевичу. Разжечь его можно.

– Вы созданы для Приморского края. Так будьте его создателем. Вы там все начинали. И что же вы молчали до сих пор? Это же ваше, и только ваше, открытие. Вы первый вошли в реку. А все приписано Невельскому, все только ему и ему. Не весь же мир клином на нем сошелся.

Казакевич чувствовал, как самолюбие его разогрето и оживает. В самом деле, конечно, он не рядовой участник открытия, о котором теперь не любят говорить, хотя всеми признано. Оно не очень-то в чести, и так будет, пока Врангель не умрет. Только тогда прекратится это глушение интереса к подвигам на парусном бриге, совершаемое баронами и их подручными. Посылая Казакевича, назначая его командующим эскадрой, Врангель не мог уж более молчать и делать вид, что там ничего не создано и значительного не совершено, и он признавал открытие и отдавал должное открывателю, но признавал им лишь Казакевича... Ко времени ли все это?

Петр Васильевич и сам сух и жесток и не склонен к сентиментам, знает службу и штабы. Но не желает, чтобы его путали и сбивали с толку.

– В Соединенных Штатах, ваше высокопревосходительство, мне пришлось слышать, что у всех великих открывателей одна судьба, как и у их открытий. Первое мнение общества при известии о совершенном открытии – что открытия никакого не было, что все это давно известно и не ново и такого открытия не может быть. Спустя время общество составляет новое мнение, что открытие было, но не имеет значения. Спустя годы – третье, и уже окончательное, мнение: открытие сделано, имеет значение, но не он открыл. У нас могут придумать, желая скомпрометировать персону открывателя, еще и четвертое колено в степенях почетного звания: открытие сделано, но незаконно.

Вид Врангеля достойный. Он обнаруживает, что не принял на свой счет, пустил мимо ушей.

Все, что можно оговорить в Петербурге о делах такой далекой новой окраины, было оговорено. Точнее, сделали вид, что решили, так как оба знали, что, отсюда глядя и рассуждая здесь, решить ничего нельзя. Как говаривал в молодости Фердичка, «новоиспеченный» молодой контр-адмирал отправился восвояси.

«Все же он не таков, какой там нужен, – полагал Врангель, – каким должен быть там губернатор и командующий эскадрой! Это все не то, что надо».

Глава 8. Долгожданная встреча с Верой

Заслышав шаги на террасе, вышла Вера, с тяжелой светлой косой, а за ней Наташа, тоныше сестры и еще свежей, в узких очках, посаженных на кончик носа, словно чтобы скрыть привлекательность; палец зажат в книге – видимо, читала вслух.

Такая коса у Веры, вот вырастила! Одета совсем просто, уж очень по-домашнему, не ждала или из суеверия не желая принарядиться, мол, вдруг что-то будет не так. Жучка тявкнула разок и смутилась, завизжала радостно – видно, узнала.

– Что у вас дом пустой? – с деланой дутостью молвил Алексей, а брови его поползли вверх и щеки расплылись в глупой радости.

– Алешка! – вырвалось у Веры, прочитавшей его чувства с первого взгляда.

– Три года, тебе девятнадцать лет, какая красавица стала! А была как цыпленок.

Вера приняла из его рук букет роз, отдала сестре и так охватила Алексея, что повисла на руках.

– Что ты принес такие колючки, – насмешливо сказала Наташа, – ты же не признавал цветов!

– Нигилисточка моя, – поцеловал ее в щеку Алексей. – Краличка червённая...

– Ты нам изменил? – хмурясь сказала Наташа, повернулась и ушла за водой.

– Пойдем в сад! – ласково молвила Вера. Он такой вызревший, сильный, настоящий мужчина, покоритель всех морей и океанов. – О-о, Лешка! Это же ты! Но как не ты...

– И это ты! И как не ты!.. Слушай, как жалко...

В саду полегла антоновская яблоня; на подпорах, как бревно на козлах, а ветви все в цвету. Рвал тут когда-то Алеша осенью антоновку и ел, кислую, и вкусно было.

Дом Керженцевых на Васильевском острове, с садом, двором, конюшнями и каретником.

Весенний сад. Здесь, в доме своей юной любви, Алексей почувствовал себя как солдат, возвратившийся после сражений, грабежей и походной жизни к собственным детям. В отличие от такого любящего отца руки Алексея еще не замараны кровью. Но повидал много, жизнь приучила ко всему.

Как открывалась за морем панорама зеленого острова, парков, портов, церквей и яхт, как ему мерещились, сквозь силуэты городов и лесов, юность Энн, а здесь его собственная, так дорогая ему жизнь, здесь все лучшее, что у него было.

Он смотрел в глаза и на легкие скулы Веры и постыдился мелькнувших воспоминаний. Она была так хороша, что, казалось, добивала своей прелестью то, с чем он сам не мог совладать. А не тень ли скользнула у Веры, не смутилась ли в догадке? Девичий ум чуток и все ловит. Догадаться не трудно. Причина одна во всех распутях. Но не может быть, нет. И для Алексея такие предположения унижительны. Она стала умней, насмотрелась на людские страдания и наслушалась.

В радости Вера готова была схватить сейчас Лешу и толкнуть на ворох сухой травы, согнанной граблями.

Когда поднимались обратно на крыльцо, Алексей с неприязнью подумал о себе, что переменялся, раньше не смел бы, а теперь смотрит на нее не по-прежнему, стал слишком прожжен и опытен. Но с ней и тени, и цветы, и моря, и далекие лица гасли, тускнели, все исчезало в памяти. Становишься собой, пьешь дыхание земли.

В комнате сестра поставила букет на круглом столике напротив открытой в сад двери. А самой нет. Красные розы в желтой вазе. В глазах Веры радость, что не надо объясняться, все оказалось расшифрованным.

– А Наташка права... Ты же не признавал дарить цветы?

Не помолвленный, не объявленный как жених, без клятв и принятых обычаев благородства, он ушел в плавание и оставил ее без поддержки традициями, без опоры в святости народных устоев, исчезнув в туманах морей, возложив на нее, еще не окрепшую, всю тягость одиночества и ответственности за ее положение в семье и в обществе.

И вот он явился с цветами, прозревший, обновленный, со всей силой вспыхнувшего заново стремления к ней.

Да, перед уходом не был обручен с Верой, они не обменялись кольцами, отвергая предрассудки, мешавшие, по их понятиям, развитию личностей. Они принадлежали к тому новому поколению молодежи, которых называли нигилистами. Сами они, заимствуя слово с языков западных народов, начинали называть образованный класс интеллигентами и желали к нему принадлежать.

Традиции, по их мнению, заводили людей в тупик. Вера и Алексей были чужды церковной обрядности и только из уважения к окружающим оставались терпимы к службам и к общепринятым привычкам. Каждый, кто верит, верил как хотел, и не дело лезть в чужую душу. А традиции, на которых стояло общество, были пусты. Это убеждение быстро распространялось среди молодежи, оно имело особенно сильное влияние на Наташу – пылкую сестру Веры, склонную стать сторонницей самых крайних мер. На вид она казалась моложе Веры, но старше и резче ее. Каждая новая истина была для Наташи открытием и пробуждала в ней что-то похожее на фанатизм.

В других странах мнения Алексея менялись, он креп и мужал, снес тяжкую болезнь. Цветы у многих народов – например, в Японии, Китае, да и в Англии, – имели глубокий смысл, без них ничего не делалось в жизни, как и у нас, впрочем, хотя нигилисты объявляли их символом и чадом мещанства, прутьями, напрасно срезанными кустами.

В некоторых странах цветы были вторым родным языком народа, ими выражалось то, что не всегда скажешь словами. Вера так тронута, поняла смысл перемены и приняла как признак возмужалости. Мысленно все эти годы она была в плаваниях с ним, в далеких странах.

В доме, где Алексей как свой, в столовой, когда накрывали стол, Мария Константиновна старалась говорить с ним о пустяках. Себе прощаешь, когда такая радость и волнение, в разговоре бывает, что и глупость сорвется с языка.

– Теперь и у нас говорят, что по любви к животным познается человек, – сказала Мария Константиновна – Вера всегда любила лошадей и верховую езду, да за эти годы редко ей удавалось. Отец нынче купил для нее двух молодых лошадок орловской породы. Ему кто-то сказал, что моряки любят ездить верхами. Вера трудилась всю войну в госпитале и училась как могла, и дальше хотела бы. Если у нас не дадут, то хотела бы поехать в Германию. Как она уставала, как трудилась. Стыдно сказать, что ее увлекало. Я уж не отговаривала. Пошла в госпиталь великой княгини Елены Павловны. Там и пожилые дамы, и много женской молодежи всех сословий терпеливо исполняли самую грязную работу. А вот как, Алеша, японки выходят замуж? По любви или по желанию родителей и...

Не дослушав объяснения Алексея, помянула про собачонок адмиральши Мятлевой, как много она им позволяет и какие они, как выпустят их – всякого облают.

Гостей не звали, собрались свои. Под окном стояла дядюшкина карета. Подъезжали извозчики, верховая лошадь под седлом у коновязи. Нагрянула молодежь.

За обедом Алексей красноречиво и остроумно рассказывал, все раздражались взрывами смеха или замирали. У Леши как у рассказчика явно выросли усы. Смотрели на него, как на героя. Он таким и был. Вере так ясно, что в своем былом, минувшем полудетстве она не разочаруется. Она рада за мать, и мать рада, и отец здесь же, у них словно гора спала с плеч.

Нельзя сказать, что в Петербурге про Восток, особенно дальний, ничего не знали. Краем уха все кое-что слышали, а некоторые интересовались серьезно.

Алеша сегодня в ударе, к восторгу Веры, он знает все и про все умеет рассказывать. Сюрприз для нее, она получала драгоценный дар, восхищавший все общество. Дамы и сверстницы поглядывали на Веру одобрительно, мол, молодец, Верендер, здорово ты его подцепила. Но когда разговор пошел посерьезней, как Алексей учил китайский и какая прелесть иероглифы, что ведь это прелестные картинки, которые со временем будет изучать все человечество, то слушали охотно, но с недоверием, а на некоторых лицах было выражено: мол, зачем вам все это, Алеша... Ах, причуды...

Алексей на миг отлетел мыслями и, опасаясь, что не сможет быстро овладеть собой, смутился, поймал прерванную нить и пошел, как у них там говорили, «in full swing», с аффектацией артистизма, придавая себе шарм.

А показалось, что Василий Васильевич, отец Веры, молчаливый и всегда любезный, как-то с недоверием слушает. У Керженцева белое сытое лицо, выбритое, блеклое от комнатных занятий, и рыжеватый аристократизм, пролысни и красные веки. Главный винт в государственной машине Министерства финансов. Учтиво вежлив и предупредителен. При встрече сегодня накоротке, но ласково поговорил с Алексеем.

Алеше все время хочется ловить его взгляд и перепроверять себя, как по барометру. Начинает казаться, что Василь Васильевичу неловко за его успехи или он улавливает, что Алексей рисуется, и за него втайне стыдно. Проницателен, как волшебник. И безукоризненно вежлив.

Вера слегка приподняла подбородок, светлая коса стала не видна, она смотрела прямо в глаза Алексея, как бы желая что-то спросить. Но никто не заметил заминки.

– А какие англичанки? – спросила Наташа.

– Разве ты никогда не видела англичанок? – спросила Вера.

– Только в детстве, но тогда на них никто внимания не обращал.

– Такие же блондинки, как немки, – заметил кто-то из старших.

– Но ведь взглянешь на вашу петербургскую немку, – ответил Алексей, – лицо ее сразу становится злым, написано на нем, что желает дать выговор молодому человеку, проучить и воспитать.

– А англичанки? – спросила Вера. – Если взглянет на нее молодой человек?

– Англичанки очень разные, обычно, видя к себе внимание, смягчится и прояснееет, примет взгляд как вежливость, а не как безобразие.

– Так англичанки строили тебе глазки? – грозным тоном прокурора спросила Наташа. Все расхохотались.

Этот день тянулся долго, превращаясь в праздник.

Вера сказала, что приглашает Алексея на прогулку, чтобы он не отвыкал от северных пейзажей раннего лета. Вера ушла переодеваться. Ее дядюшки насели на гостя:

– Ну про японочек! Еще про японочек!

Все нахохотались, накурились, наговорились и наслушались.

Алексей и Вера вышли. Солнце еще высоко над горизонтом. Нева спокойна, как покрыта льдом.

Попалась новенькая коляска на рессорах. Уехали на острова. Северное солнце сияло над входящей в силу листвой.

«Тут мы прощались, – подумал Алексей, выходя из экипажа, – мы отвергали пошлость обычаев, наше доверие было безгранично, ниже нашего достоинства было клясться... а я ничего не исполнил. Потоки жизни увлекли меня... и я был современен. И что же... Как мне Мусин-Пушкин сказал: “Эх вы, гонконгский пленник! Англичанка это вам не японка”. А дело, может быть, не только в моем формальном слове, которое ей-то я дал».

Вера рассказала про молодых лошадей, но что она редко выезжает. С отцом кормит их овсом и отрубями каждый вечер.

– Я ждала тебя.

Алексей знал, что она любила верховую езду. В седле, бывало, резко менялась, ее полудетское лицо становилось требовательным и сильным.

Алексей стал рассказывать, где и как выезжают лошадей, скаковых и рысистых, и как отлично они же ходят, запряженные в экипаж, в дрожки, а также под седлом и на охоте.

Она понимала толк в лошадях. Но странно, что разговор о рыжей кобылице может вдохновлять его, а в ней возбуждать неприятное чувство.

Вдруг он рассказал, как ездили верхами по горам в тропической колонии, и при этом как опьянел от воспоминаний.

Вера сказала, что у сестры тоже лошадь и она ездит чаще.

– Она увлечена новейшей немецкой философией, пренебрегает своей миловидностью, носит очки, ходит большими шагами и принимает ухаживание пожилого офицера-артиллериста, который обещает ее научить делать бомбы, зная, что она сочувствует террористам. Он учился в военном училище и знаком с революционером Бакуниным.

«А ты знаешь, не успел я приехать, как меня известили, что я должен явиться в Третье отделение...» – хотел сказать Алексей, но удержался.

Глава 9. Под весенней листвой

– Ну, сэр Алек! – воскликнула Вера, входя в тесную аллею, и ласково, но больно ущипнула щеку Алексея. – Пристало ли к тебе что-то от тех, среди кого ты прожил так долго? Стал ли ты иным?

Сегодня он рассказывал о характере людей викторианской эры, как принято называть там наше время, про самоуверенных и расчетливых, рискующих всем ради цели.

– У тебя были знакомства?

– Конечно...

– Какой же ты был в увлечениях? – с любопытством невинности спросила она. – Стал ли ты высокомерен, или твоя русская натура оставалась отзывчивой и привязчивой и подводила тебя? Ты возмужал, вернулся героем...

– Я не был героем.

– Но твоя русская душа впечатлительна – и ты так не походил там на всех вокруг. Это было ново и приятно для тех, кто бывал с тобой. Как русский ты был добр, оставил воспоминания и сам остался с ними...

Алексей явно смутился.

– Ах, Леша! Не понимать шуток. Такой смельчак и герой, который так много и стойко выдержал, но разве что-то может смутить тебя, что-то лежит на сердце...

Какой же, право, это пустяк, с кем не бывало, а он уже чувствует вину. Ведь это лишь моя шутка и ревность, не откажи мне в таком праве. Так и остался сердечен и прост. Разве не стал жестче?

Ей стало жаль Алешу. Но ее шутка попала ему не в бровь, а в глаз. Там же, право, ничего не могло быть, это все отзывчивая чувствительность, привязанность к тому, кто был мил, или потребность в привязанности?

Вера желала растормошить его, чтобы обоим не впасть в глупое самокопание.

– Ты так не похож на зверей прекрасной цивилизации, ведь я знаю их, они были у нас в госпитале, сдавшись в плен после попыток десантов под Петербургом. Они бывают сердечны, умеют улыбаться и благодарить от души и могут стать откровенными, но у них по сравнению с тобой звучит только одна октава.

Алексею были неприятны эти слова по многим причинам. Ничего подобного ему в голову не приходило.

Алексей решил, что слишком далеко зашел в своих потаенных жалобах на викторианскую пору, словно Вера была его товарищем. Конечно, она могла бы ответить: на кой черт тебе, Алеша, каяться в том, до чего нам дела нет, что бы там ни случилось.

Когда шел в Россию, ждал, что найдет здесь исцеление, что напряжение спадет и он сможет отдохнуть...

«Ты еще ребенок, Алексей. Ты забыл свои красные убеждения? Ты вспыхнул на островах южного океана, явившись для всех невидалью, со своей роскошной юностью, может быть, стал предметом страсти. Чего же ты смутился? Ах, на твоём примере я понимаю, что человек познается не в смелых приключениях, а возвратившись домой. Уж не говоря о том, что здесь ты можешь не подойти, дать повод для смущения, многие впадут в ужас, решив, что твой патриотизм запятнан, что ты рассыпал свои чувства по всему земному шару, в то время как на самом деле ты у всех учился и брал свое.

С чем же ты остался, сэр Алек?»

А в голову Алексея полезло все то же. Он не мог простить себе, что солгал. И как стоял и смотрел, когда вдоль борта проплывали форты чужой твердыни, похожей на Кронштадт.

Алексей сказал, что помнит, как Вера рассказывала, что ездила верхом в седле, а в деревне совсем без седла, не хуже деревенских мальчишек, и как ей это нравилось. Потом в деревне стоял гусарский эскадрон и гусары оставляли свое имущество притороченным к седлам и давали подросткам лошадей съездить на водопой. Она была ли наивна, рассказывая все это перед его уходом в плавание? Женщины перед разлукой словно хотят спросить: как, мол, ты, можешь ли быть уверен во мне?

Японский сановник, дипломат и мудрец, красавец Кавадзи, объяснял молодым русским офицерам, что чувственность лечит мужчину от недугов души и помогает в служебных неприятностях, даже при полицейской слежке. Весь мир позаботился об Алексее, все вырабатывали в нем характер, свирепо и беспощадно ломая его натуру, обучая жить переменами напряжений на наслаждения и на разочарования и не чувствовать вины.

А зрелость Веры теперь пробуждала чувства, похожие на грубость.

Вера, словно понимая это и жалея – иль пытаясь его отвлечь или из пылкости, – крепко и больно поцеловала Алексея в губы.

«Так целуются у вас?» – вспомнил он ночь в саду японского храма Гекусенди, бал и танцы с американками. «Я покажу тебе, как целуются у нас в Триндаде», – сказала тогда Сиомара. Сейчас это как яд. Рассказать нельзя, да уж этого никто и не поймет и не поверит. Он уже не был прежним. Он пил этот колониальный яд с оттенком наслаждения и бахвалился перед собою, как курильщик опиума.

– Кончилась война, и ты вернулся из самого горнила мировых событий, ты один из лучших ее героев, – держа его за руку и как бы прощая ему все, оглядывая ветви, сказала Вера. Она опустила его руку, подпрыгнула высоко, схватив листок. Алексей обежал ее взглядом. Опять этот опиум. Он опять курильщик. Опиум тела, как медная чашечка с маленьким шариком яда.

Вера закрыла листком губы и приноравливала его под пищалку.

– Нет, я не герой войны. Есть одно пятно на моей совести, – сказал Алексей. Его гнала к чувственности не полицейская слежка и не террор, от которых искал лекарств Кавадзи.

– Я всю войну видела кровь и раны, – сказала она серьезно, – и я не вижу никакой разницы между тобой и героями Севастополя. Ты был под мечами самураев, ты месяцы жил под угрозой умерщвления, ты был под артиллерийским обстрелом в море, и ты болел холерой и выстоял. Ты выстрадал не меньше любого севастопольского солдата, ты исполнял свой долг, хотя на груди у тебя не будет медалей за Севастополь. Зачем же помнить какие-то мелочи чувств, невольную пылкость в интермедиях этой гигантской эпопеи? Ты сделал для будущего больше, чем любой; каждый миг тебя могли уморить, отравить, отсечь тебе голову. Окстись, Алеша!

– Но мы всю войну жили довольно сносно... Нельзя сравнить.

– Что ты на себя наговариваешь? Корабль погиб, вы были окружены... Вспомни, как вы пытались напасть на француза и бросились на abordage на борт американского парохода. Они пушками и карабинами могли бы смести вас с лица земли.

– Но все обошлось. В меня за всю войну ни разу не выстрелили. Я чуть не погиб от тяжелой болезни.

– Это одно и то же. А тех, в кого стреляли, уже давно нет в живых, они в крымской земле.

Гордость Алексея уязвлена, в Петербурге то и дело слышишь о погибших в боях родных и товарищах.

– В Крыму было гораздо больше умерших от чумы и холеры, чем погибших в боях, – сказала Вера, – ничего не значит, что ты не был под Альмой или на Малаховом. Хотя все мы помним наши святыни и гордимся. Но тогда Герцен должен испытывать еще большие угрызения совести, он всю войну был в стане врагов. Его влияние на Россию разрастается, и никто же не упрекает, а очень многие признают своим учителем.

– Но он не был военным.

– Какая же разница!

– Я чувствую себя так, словно моя война еще впереди. Я должен идти на эту войну.

Вера смягчилась, ее горячность остыла, и казалось, она прояснела.

Алексей оглядел разросшиеся и вытянувшиеся за эти годы ветви деревьев. Он опять поник, не в силах совладать с собой. Его настроения прорывались наружу, и его воля не могла закрыть их наглухо. Вера замечала все. Он не собирался ничего скрывать.

Он стал рассказывать, как в Гонконге праздновали падение Севастополя. Но у него язык не поворачивался сказать, чем же ужасен для него тот день.

Ее огорчали не признания, суть которых, как оказалось, поверив ему, она не совсем предугадала.

Он старался не оскорбить Веру и не лгать, а получалось еще хуже. Сказал, что его знакомая обещала поехать в Японию, найти его сына. Там у дочери японского магната коммерции... Рассказал про прощание с Оюки, про ее отца, про преображенную Японию, которой предназначено развитие, и про униженную там любовь.

Вера была ошеломлена. Она могла бы спросить, как полагал Алексей: «Так вы преобразили Японию, бросив на произвол детей?» – но об этом никто и нигде его не спросил и не подумал.

Вера вслушивалась с интересом и волнением, как сила развития минувших событий его жизни бурно нарастала. Лицо ее стало сильным, как при верховой езде, щеки рдели. Ее огорчали не его признания, – это могло быть приключением, – а жаркая память о том, что он оставил. Ее тревожили перемены его настроений, которые она заметила еще за столом. То, в чем она винила его в шутку, для забавы, играя в ревность, на самом деле было ужасным. Он именно жил впечатлениями былого, боролся с ними или, может быть, что еще хуже, предполагал, что победил их, чтобы благородно поклясться и открыть ей свое сердце. Вера была убеждена, несмотря на все, что случилось, – он чист и еще сам не понимает власти минувшего.

Он стал лейтенантом, он стал взрослым, он был втянут в борьбу страстей с молодыми женщинами, такими же сильными, как он. Это оставило след, горько, конечно... иначе и быть не могло. Она наивно и романтически мечтала о нем, смутно угадывала, что ей не хватает каких-то верных мыслей об Алексее в разлуке. Она как бы предугадывала ход событий, неизбежное движение его чувств. Но она не понимала, как это будет. Она не допускала мысли, что прошлое могло исчезнуть. Прошлое не могло быть снесено никаким ветром бурь, она не смела верить в катастрофу. Но она не могла плыть по воле волн.

Обретет ли он теперь что-то подобное тому, что пережил? Она с каждым мгновением любила его все сильнее, и все с большей силой пробуждалась в ней женщина. Она должна ему помочь, но не все в ее власти. Она не могла отбросить своего достоинства.

Они приостановились, лицом к лицу, как прежде. Она почувствовала скрытую в нем нежность, силу и характер. Она прикоснулась, как бывало, щекой к щеке. Он хотел поцеловать ее, как прежде. Вера мягко отстранилась и засмеялась снисходительно, как шалости капризного ребенка.

Алексеем казалось, что он признался и освободился; камень свалился с души. Ему сейчас ясно, что все будет так, как он решил. И никаких былых увлечений нет, и нет никаких сомнений. Но он оставался мрачен и печален. Жалея, Вера в порыве сама поцеловала Алешу в щеку. Казалось, былое вернулось.

У Алексея не было широкого интереса к тому, что вокруг. Он бы вернулся быстрее, совладал бы с собой, как ему казалось. Но он испытал ушиб и еще не оправился. Третье отделение уже придавливало его, и мгновениями он склонен был полагать, что поэтому у него нет радости у себя на родине. Невольно прошлое казалось свободным и привлекательным. Впрочем, с английским Третьим отделением он тоже в Гонконге познакомился.

Веру опять обожгла мысль, что у Алексея там все было так ярко и страстно, на фоне живописных морей и пейзажей, в лучшую пору его роскошной молодости. Его лучшие годы...

Он еще юн, но он там оставил себя. Как прожил уже жизнь. Она опять почувствовала, как это больно и как горячо его любит; желала бы обнять, и крепко целовать, но она не могла поверить в силу его отклика, и это останавливало ее.

– Передо мной предстоит выбор, Алеша, как мне жить, – сказала Вера спокойно и посмотрела в лицо Алексея.

Он насторожился. Гроза, казалось, приближается с другой стороны, он и не подозревал. Да, конечно, она же здесь жила в обществе, вокруг нее молодежь, она так хороша. Но оказалось, что суть была совсем не в том, что пришло ему на ум.

– В госпитале я трудилась с пользой для людей и ощущала свою пользу. Такая деятельность еще продолжается. И мы еще не расстались с последними из калек. Потом их отпустят, и многие сядут на паперти с протянутой рукой. Но война кончилась, скоро я почувствую себя ненужной. Благотворительная община милосердия, созданная великой княгиней, собирается по-прежнему, у дам и девиц обнаруживаются новые интересы. Но это уже собрание особ, оказывающих покровительство искусствам, помогающих бедным, сиротским приютам и тем личностям, которые ищут... Дамы находят для себя предметы забот, и на всей их деятельности есть оттенок удовлетворенности, а также стремление превзойти в милосердии друг друга. Они служат самоотверженно. Но это не по мне. Сестра говорит, что бедность надо лечить не так, не благотворительностью и не обществами светских дам. Ухаживания за израненными больными и калеклами принимала как должное... Я с радостью исполняла все. Словно ты сам в это время лежал на больничной койке. Ты долго валялся в госпитале. Ты знаешь, что все это значит. Я не знала, что ты был болен, но иногда мне казалось, что ты лежишь в муках, и когда я ухаживала за тяжело ранеными, то мне казалось, что я помогаю тебе... А какие слова благодарности, какие кроткие мольбы последних признаний приходилось выслушивать мне, сколько чувства и ума пробуждалось в страданиях у самых невзрачных людей.

– Ты ищешь новой деятельности?

– Да, я хочу учиться. Мне это необходимо. Хотя бы пришлось уехать. Я уже побывала в деле и не смирюсь с судьбой гувернантки.

– Бог с тобой, как ты могла подумать.

– В любой мужской профессии я принесу больше пользы, чем раздавая бедным горячие обеды и медные гроши. Но я не впадаю в идеализм и считаю с тем, что есть на самом деле и что может быть, я помню, кто я, кто мой отец и мать, семья и какой мой образ жизни, от которого я не могу отказаться, как и от всех привычек. Я подолгу могла бы жить как солдат на сухом пайке или даже как каторжник, но я не могу совсем отказаться от того, к чему привыкла, и должна вернуться к своей жизни.

Вера засмеялась и сказала, что очень благодарна Алексею, и добавила с оттенком зависти, что только за один этот день, проведенный с ним, она стала образованнее и лучше понимает...

– Я очень много узнала сегодня. Я не предполагала ничего подобного. Какое счастье, что ты приехал. Что ты привез такой багаж интересов и наблюдений. Ты открыл мне целый мир. Ты, Алеша, человек с интересами, и тебя можно боготворить. Та, которую ты полюбишь, будет счастлива.

Она только опасалась, что он опять заговорит про свое, в чем он, как ему казалось, претерпел поражение.

– Но что бы ни было, Вера, – сказал он с некоторой аффектацией твердости, – но я... я люблю тебя, да иначе и быть не может. Мы с тобой должны стать мужем и женой.

В явной радости она засмеялась. Глянула на него. Но не ответила.

Незаметно они дошли до дома Керженцевых. У подъезда встретила Наташа и перебила расставание. За деревьями, из открытого окна слышались звуки рояля. Это играл Василий Васильевич. Вера знала, что, когда у отца неприятности, он подолгу оставался один в своем кабинете и в утешение себе садился за рояль.

Мария Константиновна говорила дочерям, что рвущиеся вверх новые звезды финансового мира желали бы претворить старую, продуманную отцом идею о замене в России откупов, которые были источником множества несчастий, на акцизные сборы с промышленных предприятий и со всех товаров. Теперь этому плану хотят дать ход, вычислениями Василь Васильича воспользоваться, а самого его оттеснить. Мать сказала, что беспокоиться не надо: «Отец твой старый воин, закален в бою».

Наташа судила обо всем просто, надо истреблять эксплуататоров и прогнивший класс царевых слуг. А честных чиновников у нас ненавидят, и они никому из своих коллег не нужны.

Было уже поздно, и белая ночь стояла над деревьями. Алексей попрощался с Верой и Наташей, обменявшись рукопожатиями.

На другой день Алексей и Вера снова встретились, снова бродили...

– Мне кажется, что у тебя на душе еще осталось что-то, – сказала ему Вера, – если можешь, расскажи все откровенно, я постараюсь понять...

Глава 10. Ползуны по скалам

Альпы вместе с их ледниками способны отнять у человека всякую мысль о его высокомерии, свести на нуль его самомнение.
Марк Твен. Странствование за границей

Алексей зашел в Географическое общество. Как и можно было предполагать, доклада никакого не было. Несколько молодых людей в штатском и военном, сидя за большим столом поодаль друг от друга, горячо разговаривали, как слышно было еще через дверь из коридора с книжными шкафами.

Когда Сибирцев повесил фуражку и вошел, все встали. Перезнакомились, каждый представился. Назвал себя и Алексей. Ему предложили садиться и принять участие.

Молодой офицер, назвавшийся Михаилом Ивановичем Венюковым, со значком Генерального штаба, сказал любезно, что пришло письмо от Петра Петровича Семенова и вызывает здесь много толков. Семенов со своей экспедицией находится в горах Тянь-Шаня, где до него никто из ученых не бывал. Ползает по скалам, приближаясь к пику Хан Тенгри.

– К таинственной и неизвестной доселе вершине!

Не бывали европейцы – и считается, что не открыта; впрочем, так и есть, владыки Азии либо не описями занимаются, либо дело поставлено у них несовершенно. Гигантские хребты Азии нуждались в описях заново по современной методике. Сами китайцы, при всей цивилизованности и образовании их, еще в позапрошлом веке просили миссионеров переснять и проверить карты империи. В Ватикане, где готовят «духовных топографов», как бы свой генеральный штаб, всегда готовы к услугам.

Разговор за столом заинтересовал Сибирцева. Неожиданно он почувствовал, что спинки его стула коснулись руки. Он обернулся, встал, видя знакомое лицо.

– Павел Павлович!

Седоватый сотрудник Географического общества. Дорогой Павел Павлович все такой же, как и был, неустанный труженик. Небольшого роста, суховатый, с узким лицом в усах. Смотрел в лицо Сибирцева, как бы не совсем его признавая.

– Да что же вас так долго не было, Алексей Николаевич? Сколько лет не заходили...

– Я был в Японии.

– В Японии?

За столом все стихли, а Венюков приподнялся.

– Так вы из Японии? – спросил он.

– Я был в кругосветном плаванье, потом у своих берегов. А потом в Японии, и в Гонконге в плену, и в Южной Африке – и вот только что вернулся с окончанием войны через Англию.

Алексей почувствовал общее внимание. Про японскую экспедицию Путятина здесь все слышали.

Интерес к Сибирцеву был очевиден, но разговор вернулся к Хан Тенгри.

Время от времени Венюков, стараясь никому не мешать, пояснял сидевшему близ него Сибирцеву подробности.

Петр Петрович Семенов в двадцать лет перевел труды знаменитого ученого Риттера на русский язык. Семенову сейчас еще нет тридцати. Его возвращения в Петербург ждут лишь в будущем году. Как все полагают, он совершает важные открытия. Пишет, что намерен подняться в высочайшие ледники. У нас многие бы желали идти по его стопам.

Сам Венюков, казалось, тоже стремился на Восток. А Павел Павлович ушел за свой столик у окна, где он сидел, как всегда. Алексей, входя, не посмотрел в ту сторону.

– Семенову приходится быть и дипломатом, и археологом, – с оттенком зависти вырвалось у Венюкова. – Его команда набрана из казаков и солдат; умелые руки, все смастерят. Пока что их никто не тронул – видимо, славы дурной в тех горах за нами нет.

В комнатах Географического общества в Петербурге, как и во всех географических обществах во всех странах, где пришлось бывать Алексею, есть что-то общее и родное, думал он, сидя у края большого стола с глобусом. И у нас, и в Гонконге, и в Южной Африке, и в Королевском обществе в Лондоне. Всюду такой же большой стол, дверь в зал докладов и заседаний, карты, глобусы на столе и на шкафах или подставках. Толстые книги в шкафах: Гумбольд, Риттер, Чихачев на французском языке, роскошно изданный в Париже in quarto, морские атласы. И как это получается, что даже стулья, одинаковые, мягкие, редки; на них путешественники не сидят. Мягкие предназначены для почетных председателей и посетителей.

Окна одинаково светлы, и нигде ничего лишнего, чувствуется аскетизм и служба науке; изваяния разнятся, как бы свидетельствуют, объясняют посетителю, в какой стране он находится, какому народу принадлежит это научное общество, и кого тут чтят из мировых знаменитостей, и кто тут свой, иногда еще неизвестный миру, и кто считается покровителем.

Во всех таких обществах одинаково тихие, скромнейшие секретари, которые все знают, все любезно покажут, войдут в интересы посетителя, коллекционируют сведения обо всем в природе, никаких выгод себе не извлекают и ни к кому не имеют претензий. Даже при разности в цвете кожи похожи друг на друга во всем мире, будь то негр в очках, китаец в белом воротничке или европеец. Все родня друг другу, как и все библиотеки во всем мире похожи друг на друга.

Алексей отдыхал в таком обществе в Гонконге, там слушал доклад, и там же познакомилась с ним Энн как с товарищем, хотя потом все пошло с фатальным риском, но уже за стенами общества, и оказалось, что она печатается в известиях Королевского общества в Лондоне. И здесь, в Санкт-Петербурге, так же мирно, уютно, и все впечатляет, и собрались сверстники, может быть, будущие ученые и путешественники.

С чтением письма закончили, и все обратились к Сибирцеву, задавали вопросы и просили рассказывать. Более всего про Японию. Говорить про нее ему еще не наскучило. Но упомянул про Гонконг, не удержался и про Кантон с опиокурлками и рубкой голов взятых в плен китайских революционеров, про плаванья в разных морях, и опять про катастрофу в Японии. Новые знакомые стали откровенничать. Венюков сказал, что хотя завидует Семенову и своим друзьям, также собирающимся отправляться с экспедициями в Среднюю Азию, но сам интересуется Амуром:

– Уже по одному тому, что по Амуру прямой путь не в Швецию и не в Турцию, которые веками загораживали нам весь свет, а в новый мир – в Японию и в Соединенные Штаты. Амур, как пишут американцы, – это сибирская Миссисипи.

Разговор стал принимать политические оттенки, поминали международную торговлю, говорили о развитии государств и про образование народов.

Самый молоденький из офицеров спросил вдруг:

– А вы, господин Сибирцев, сами были на Амуре?

Сибирцев подавил чуть заметное чувство неловкости.

– После кругосветного плаванья мы стояли в устье Амура. Оттуда ушли в Японию.

– Какой же вы счастливец!

– Говорят, что река мелка и устье ее не судоходно? Ведь это неправда? – продолжал юноша.

– Да, вот это интересно, – подхватил Венюков, – мелеют ли устья?

– Мы стояли у мыса Лазарева у входа в лиман.

– Там, где южный фарватер реки прорывается в Японское море? – спросил Венюков.

– А вы знаете?

– В Генеральном штабе все карты.

– У Лазарева глубины и течение сильно. Мы стояли там за высокими скалами мыса. Там грунт скала и берег сплошная скала.

– А вверх по течению вы поднимались? Вы видели саму реку?

– Мы ходили на шлюпках по лиману вверх при перегрузке людей и запасов со стоявшей там «Паллады» на нашу «Диану» по приказанию адмирала Путятина.

Светлое лицо Венюкова выразило досаду и приняло плаксивое выражение. У него детские голубые глаза, толстый мужицкий нос и неровные губы, он похож на молодого крестьянина в офицерской форме. Русая голова более свойственна солдату и моряку, чем дворянину.

При известии о том, что Сибирцев не был в Амуре, подвиги его, казалось, гасли в глазах молодежи.

«Как же вы дали такой промах, Японию видели, изучали, а ключом-то ко всему свету не поинтересовались?» – казалось, хотел сказать Венюков.

– А вы видели Амур, Михаил Иванович?

– Конечно нет, – ответил Венюков без смущения. У него, как и у Сибирцева, все еще было впереди.

Однако здорово они задели Алексея с его блестящими картинками экзотических морей и берегов и с его красноречием.

– Но помните, господа, – остерег он как моряк, – что устья Амура не мелеют, но замерзают надолго, там другие широты, не те, что в портах Америки и Австралии, которые открыты круглый год. И холодное Охотское течение.

– Дела не меняет, – ответил Венюков. – Южнее устьев есть незамерзающие гавани, но все это одна система Амура, река – это стержень, который мы должны держать в своих руках. Лишь бы наши дипломаты не сплеховали.

Венюков пошел из Общества с Алексеем и по дороге рассказал, что, уже будучи офицером и репетитором физики в Петербургском кадетском корпусе, посещал вольнослушателем университет, что ему многое дало.

– Возможно ли это для офицера? – спросил Сибирцев.

– Конечно! – ответил Венюков. – И вам ничто не помешает.

«Как он успел в свои двадцать три – двадцать четыре года?

Сдал экзамены в Академии Генерального штаба!»

– Кажется, Герцен полагает, что мысль, рано или поздно, все постигнет в природе и все устроит к лучшему. – Михаил Иванович признался, что когда он прочитал роман «Кто виноват?», то в душе у него произошел переворот. – Это было весенней ночью пятьдесят первого года. В семь утра я пошел на учение в батарейный парк, чувствуя себя совершенно преобразенным, все окружающее показалось мне какой-то ошибкой, чем-то жалким, следствием угара.

– В плаваниях, потом в плену, я несколько лет не имел никаких сведений о России. Не удивляйтесь моему неведению.

– Ну что вы, не сетуйте! Зато вы так много видели, как никто другой. Вы были в Лондоне? Герцен живет там и печатается... У меня есть его издания на разных языках. Pamфлеты против крепостничества. Прошу вас, Алексей Николаевич, заходите ко мне. Вот вам моя карточка Я буду очень рад. Жаль, что вы не сможете познакомиться с Николаем Павловичем Игнатьевым, только что закончившим Академию Генерального штаба Он замечен среди всех и закончил с отличием. Не имея никакого опыта, в двадцать пять лет назначен военным атташе в Лондоне. В нем ключом бьет энергия, переходящая иногда в необузданность. Надо отдать ему должное... хотя многие полагают, что тут имел значение Пажеский корпус, да и связи, старинный боярский род...

Сибирцев, в свою очередь, пригласил Михаила Ивановича к себе домой, обещая показать, с позволения отца, доки и новый железный пароход, который строится.

– Скоро ли корабль будет готов?

– Я рад буду поделиться с вами... ведь я сам участвовал в постройке шхуны в Японии.

– Могут ли по Амуру ходить морские суда?

– Есть мнения, что река мелка, и все дело с Амуром дутое, но Невельской доказал, что глубины хороши и для Амура требуются килевые суда, как для моря. Пароходы уже подымались от устья до самых верховьев, проходили рекой три с половиной тысячи верст, хотя и садились иногда на мель из-за отсутствия лоций.

– Значит, по Амуру возможно плыть в Америку, – сказал Венюков.

Обещали побывать друг у друга в ближайшие дни. Поначалу – из-за Герцена и из-за железного корабля у отца Сибирцева в доке.

«Однако, – расставшись, подумал Сибирцев, – все они, будущие исследователи пустынь и гор, ни разу не помянули про морской флот. Не представляют, что такое современная морская торговля, какой это великий ресурс в развитии страны и нации, выходящей на берега морей. Реки наши требуют не бурлаков и плоскодонных барж. А у них толки об ослах, лошадях, верблюдах, про выюки, казаков и монголов; слов нет, сухопутной империи без этого не обойтись. С соседями общаться надо и по железным дорогам, и караванными путями. Но цивилизации и культуре нужны телеграф, печать, флоты, свободные моря и свободные мнения, смелость каждого чиновника и должностного лица – от выборного волостного старшины... А верблюды уживутся и с крепостными. Сегодня они говорили о великих открытиях так, словно морей и океанов не существовало. Венюков сказал: «По Амуру можно проплыть в Америку». Конечно, они знают про моря и океаны, но это чуть ли не за гранью ученых интересов, как Кронштадт для петербуржцев, про который с детства слыхали».

Алексею казалось недоразумением, что так хорошо подготовленные и образованные люди намерены действовать односторонне. Словно наука наша воды боится, ученые идут в горы, а там, где горы обрываются у моря, они ходят по берегу и смотрят не в море, а все на те же горы, у них нет искусства мореходов, совершенства ходоков по воде, им могли бы служить примером лоцманы, ищущие в любой шторм заработков у побережий Западной Европы. Именно так должен ходить по морю современный исследователь. Знание моря не только в книгах, и уж тем более не в разговорах и замыслах, не в декларациях с кафедр и сидении в аудитории. Все начинается с весла, с руля, который надо уметь сделать самому, топором, пилой, рубанком, знать, из какого дерева и как, со стапеля, шпангоута, со смолы, с чертежа, который заставляет мыслить металлом, краской, современной машиной. Алексей испытал тяжкий труд на стапелях в Японии, сам рубил, обрабатывал деревья, гнал с матросами смолу. Шили паруса, сами вырабатывали краски. Все было в жизни Алексея. И все это не утеха и не забава, надо было уметь наблюдать за всем и самому не избегать любой работы. Все офицеры экспедиции трудились.

Дома Анастасия Николаевна спросила сына, как день прошел. Алексей рассказал, что был у Керженцевых и в Географическом обществе. Туда пришло письмо от исследователя, который находится в горах Тянь-Шаня. Доклада никакого не было, и просто говорили. Много интересного. Большие перемены с тех пор, как был там последний раз.

Рассказал о знакомстве с Венюковым.

– Михаил Иванович спросил меня, был ли я на Амуре.

Отец стал говорить, что знание французского языка у нас признак образованности.

– Без французского языка тебя сочтут за неуча, это плохая рекомендация.

– Конечно, если я сошлюсь на восточные языки, то скажут: какая чушь, кому нужна китайская грамота.

– Какое бы раболепие ни было, но надо считаться с обществом, в котором живешь. Вся дипломатическая переписка идет на французском языке, с тем же Брунновым и со Стеклем в Штатах.

– Папа, скажи спасибо, что я остался живой и что у меня есть свои намерения. Я не дерусь с матросами и не ворую. Кстати, я рассчитался с Ротшильдом раньше времени, о чем уже получил извещение из Лондона, подписанное самим банкиром. Совершенная для меня неожиданность.

Алексею предстоял отпуск. Еще есть время подумать обо всем. Если бы он захотел, мог бы доучить и французский.

– Но я тебе не советую жениться на англичанке, – вдруг сказал отец.

– Да она и не пойдет за меня.

– Ты о ком?

– О ней же.

– Кто она?

– Я не знаю, кого ты имеешь в виду, папа... я... я... Не совсем отвлеченный разговор, а язык... судьба сводила меня с американцами в Японии... в Китае. Они потешаются, что мы придаем такое значение французскому языку. – Мое знание языков, не ради каприза или условностей, получилось независимо от схем и планов, само собой, как я надышался воздухом.

Глава 11. В деревне

Начать свое царствование с очевидного поражения и позора, да еще открыто нарушить обещания, данные крестьянам во время войны, – отважиться на такой шаг было бы слишком опасно даже для царя.

Сомнительно, чтобы даже сам Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии дольше откладывать этот вопрос. Во всяком случае для Александра II это было невозможно; но он предполагал, и не совсем без оснований, что дворяне, в общем привыкшие к повиновению, не отступят перед его повелениями и даже сочтут за честь для себя, если им разрешат через посредство различных дворянских комитетов играть некоторую роль в этой великой драме. Эти расчеты, однако, не оправдались. С другой стороны, крестьяне, имевшие преувеличенное представление даже о том, что царь намеревался сделать для них, стали терять терпение при виде медлительного образа действий своих господ. Поджоги, начавшиеся в отдельных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Известно, далее, что в Великороссии и в областях, прежде принадлежавших Польше, имели место бунты, сопровождавшиеся большими жестокостями, что заставило помещиков переехать из деревень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмущившихся рабов. При таких обстоятельствах Александр II счел нужным созвать нечто вроде собрания нотаблей. Что, если это собрание явится поворотным пунктом в истории России? Что, если дворяне вздумают настаивать на своем собственном политическом освобождении как на предварительном условии всякой уступки царю в деле освобождения своих крепостных?

Карл Маркс. 1 октября 1858 года

«Вопрос об отмене крепостного права в России»

Л о п а х и н: Преле же очень хорошо было. По крайней мере, драли.

Ф и р с: ...А еще бы. Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

А. Чехов. Вишневый сад

Петербуржцы дождались наконец тепла, все разъезжались на дачи и по имениям. Двор уже в загородных дворцах.

Керженцевы уехали на лето в деревню, где у них было небольшое имение по соседству с помещьем Сибирцевых.

Алексей еще раз повстречался с Муравьевым. Николай Николаевич просил его быть в Петербурге к тому времени, когда он вернется из-за границы.

Возвратившись из Владимира, Алексей поехал в деревню к родителям. Неприятности его еще не окончились, он признался в них и Муравьеву; тот выслушал, но, казалось, значения особого не придал. Может быть, понравилась озабоченность Третьего отделения необычайными приключениями Сибирцева.

Сколько тут цветов! Простые лютики, а какая прелесть. И трава яркая, северная, сочная, скот жуёт, кони радуются, ржут.

Здесьняя земля – супесь. Алексей вспомнил, как он в имении у Эвансов спросил, хороша ли у них земля, и прихватил из весеннего разреза, сделанного железным плугом, горсть, и оказалось – красна, как мокрый толченый кирпич с грязью.

– Очень хорошая, – сказал старик Эванс, – чистый чернозем.

Алексей рассказывал про это отцу, и Николай Михайлович сказал, что действительно у них там так называемые красные черноземы, хорошие почвы.

Алексей пришел к Керженцевым в белой косоворотке, топнул сапогом по полу и спел перед Марией Константиновной:

Эх, зять на теще
капусту возил.
Молоду жену
в пристяжке водил...

Керженцева села за рояль и стала подыгрывать.

Алексей прошелся с приплясом, к нему вернулось молодечество, он развернул плечи, потряхнул ими, избоченился, его глаза линияли от солнца.

– Что, Алешка, оживаешь? – спросила Наташа и босыми пятками ударила по полу. Она без очков и босиком; человек человеком, никаких признаков нигилизма!

Вера в свежем загаре, на ней красное платье и летние туфли. Невольно заметишь, что во взъеме нога ее крепка, покрепче, чем у дам и девиц в других странах.

Снисходительно глядела она на Алешкины проделки, как молодая жена, привыкшая к выходкам любимого мужа. К нему возвращалось ухарство: таким он бывал раньше, его можно было подбить на любое дело. В детстве пустячный риск был для него школой. А подрастая, он лазал по соснам, с них прыгал в пруд, раскачав сук до ужаса смотревших, и летел в воду. Ему как на роду написана была тревожная жизнь. Вере нравилось раньше, как он, бывало, потряхнет кудрями, окинет всех взглядом и готов натворить бог знает что.

– Ты, наверное, до старости таким и останешься, – сказала Наташа. – Ты, Алешка, создан не для женщины, а для женщин.

Плясать он умел не хуже своих матросов. Когда принимали японского князя, они вытворяли чудеса. Боцман Черный и с бубном плясал, и на руках, и колесом ходил. А какой бал с американцами задали в японском храме!

Из кухни прибежала молоденькая стряпуха и что-то хотела спросить у барыни, играющей на рояле.

– Танцуй, – сказала ей Мария Константиновна. Девицу не надо долго просить.

– И – эх!

– Первый парень по деревне, вся деревня один двор... – протопала она перед Алексеем. – Но, дело-то... – девица спохватилась и убежала, так и не расспросив хозяйку. – Допляшем в другой раз! – кинула она Алексею.

– Так что Муравьев? – спросила Наташа.

Шли втроем по лесу.

– Ты мне, Алеша, так нравишься, когда рассказываешь.

– Мы оба были в штатском. Он не подавляет знаками своих отличий и чинов. Я отвык от нашего множества мундиров, эполет, что так обычно в Петербурге, и мне приятно было разговаривать с человеком, который естествен. Говорили так, словно мы на равной ноге и начинаем общее дело. Мельком упомянул, что у него есть единомышленники не в официальных кругах. Я готов на все, даже если пришлось бы отрабатывать как рабу, бегая перед мачтами.

– Из тебя не получится раб, – сказала Наташа.

Муравьев сказал Алексею, что слышал о нем. При следующей встрече заметил, что ценит знание Алексеем китайского языка, даже если оно несовершенно. «Так и лучше. Это заставит вас учиться и брать язык не из книг!» Алеша сам полагал, что знание языка должно смешиваться с изучением жизни народа.

– Он желает дать мне поручение, к которому просил готовиться. И молчать.

– Да уж, раз заикнулся... – молвила Вера. – Рассказывай.

– Придется, – согласился Алексей.

– А ты веришь Муравьеву? – спросила Наташа и, не дождавшись ответа, отошла рвать землянику. В деревне она совсем перестала носить очки, часто купалась, похоже, что терроризм ее больше не увлекал. Может быть, забыла своего старого артиллериста.

Вера больше не поминала про намерение ехать в Германию. Она слушала про планы Муравьева и Сибирцева.

Открылась поляна с ивами, гнувшимися над рекой к воде. Небо было чистым, и солнце яркое. Вдруг что-то блеснуло, как молния при ясном небе. Это через солнце перелетела ворона.

Иногда Алексей подолгу ходил лугами и перелесками в одиночестве. Хотелось бы изучать жизнь народа, как он это делал в далеких чужих странах, и сравнивать ее с описаниями в повестях и рассказах, в наших новейших сочинениях русских писателей, которыми он зачитывался в эти дни.

Алеша шел по березовому лесу, когда увидел, что тропой между папоротников едет верхом Вера. Она откуда-то возвращалась. Лицо ее было спокойно, ни тени озабоченности или огорчения незаметно, словно Вера счастлива «Откуда она едет?» – подумал Алексей. Она бывала у своих знакомых в богатом имении, где много детей.

– Ты, Алеша! – воскликнула она и соскочила с лошади. Она повела коня, опустив повод подлинней, и зашагала, взяв Алексея под руку.

Они весело разговорились, радуясь встрече. Казалось, оба уже успокоились и теперь говорили друг с другом, словно познакомились заново и начиная дружить.

– Что ты слышал в Европе про прививки от болезней? – спросила Вера.

– Прививки оспы... Я не помню, кем она изобретена...

– Она изобретена англичанином, еще в прошлом веке. Теперь исследования ведутся во всех странах, также и у нас. Ищут и обязательно найдут прививки от всех других болезней. Со временем прививки будут делаться не только людям, но и животным. Ты знаешь, великого князя Михаила-младшего покусала на маневрах бешеная собака, и ему прижигали укусы каленым железом. – Вера оглянулась и посмотрела на влажные ноздри кобылы. – При сапе лошади чихают и кашляют, а потом...

«Ты водила свою лошадь к ветеринару?» – хотел спросить Алексей.

– А на Камчатке нет волков, – сказал он. – И нет бешенства на собаках. Знаешь, и нет воробьев, – засмеялся Алексей, – а трава в три раза выше людского роста.

– Ты был и на Камчатке?

– Нет, там не был. Ты думаешь: «В Камчатке был, вернулся алеутом...»

Она перевела разговор, видимо, подбирая тему, которая его заинтересовала бы: что огромные массы кочевников живут внутри нашего государства, они рассредоточены на просторах Азии, владеют бесчисленными стадами скота, который временами погибает от повальных болезней. Тогда обезлюдывают великие степи, проходят годы, прежде чем сотрутся последствия падежа и восстановятся средства к жизни людей. Но пока у врачей и ученых в этой отрасли науки лучшее средство от повального падежа – забой и сожжение или закапывание туш больных животных. И тут приходится уничтожать тысячи голов скота при подозрении на заболевания. Орды киргиз и сартов, лишившиеся своих стад, гибнут от голода. Только прививки, которые будут делаться животным, могут возродить вымирающие народы кочевников. Это потомки великих моголов, бывших мучителей России, о которых Пушкин пишет, что они устраивали пиры на досках, постеленных на живых русских пленников. А мы спасем их от гибели. Разве, Алеша, это не христианская и не благородная цель? Когда в мире все более ярятся по закону «око за око – зуб за зуб».

– Я бы мог тебе что-то рассказать, если бы ты спросила меня про акул или летающих рыб, но я и про них толком ничего не знаю, есть ли у них в море поварные болезни.

– Им, кажется, грозит лишь людская алчность.

– Китов бьют беспощадно. Их много лишь у полюсов и близ наших берегов. Кажется, в соленой воде болезней животных меньше, чем в азиатских степях и хребтах, где и людская чума гнездилась задолго до того, как эта болезнь стала опустошать города Европы и наш Петербург. Я помню чуму в столице, я был еще мальчиком. А про сибирскую язву у лошадей ничего сказать не могу, найди себе хорошего коновала. Теперь нет области в жизни природы и человека, куда не проникали бы умы исследователей.

Он подумал, что в девятнадцать лет трогательна ее самостоятельность с оттенком властности. Но потом, если это разовьется, может ли стать неприятным?

Начиналась самая жаркая пора лета. После ливней речка набухла между берегов с нависшим дерном. Если ступаешь в воду с обрыва, нога сразу уходит в ил, тину. Вокруг ивы какой-то кустарник разросся тесно, трава высокая. Можно бултыхнуться в реку не заходя.

Алексей сидел на берегу и вспоминал разговоры, что России нужно развитие, а жить дальше так невозможно. Какая чушь! Разве здесь жить нельзя? Лучшего места, казалось, нет на свете и быть не может. Тургенев ему не во всем нравился.

После Сибири и экспедиционных плаваний, в которых из него душу вытряхивали и где все помогали друг другу, и энергия в людях была ключом, развиваясь до совершенства, и все старались в самых тяжелых условиях, были умелы и старательны, он не мог брать на веру сочинения Тургенева. А ведь он – кумир и властитель дум. Как мил у него русский пейзаж, как прекрасна жизнь людей при начале описаний, милы герои, их усадьбы, избы и как особенно хорошо описаны женщины. Как много хорошего в их природе. А потом, к концу романа, все пойдет кувырком, все оказывается напрасным и все обречены. Так откуда же в них поначалу было столько прелести? Разве они рождены не теми же тургеневскими героинями? Кто же их воспитал, развил прекрасные задатки, если во всей России нет порядочных людей, нет никого, кроме тех, кто портит всех и совершает преступления. Верны его характеры, но сам он в той же борьбе, что и Герцен, а потекает дурным ленивым привычкам дворянства и видит в людях дрянь. Поначалу честный герой оказывается негодяем, в каждом мужском персонаже обнаруживается подлец, а если же остается честным – то умирает. Даже смелый мальчик в «Бежином луге»... Все честное обречено. Круши! Ты борец, тебе все дозволено. А героиня погублена или осквернена. Алексей, глядя на людей вокруг, не смеет сделать таких обобщений. Вкусы общества и жизнь страны, как понимал Алексей, – не сходятся. Чем они тут заняты, никак не разберутся. Реакционеры и революционеры не поделят крестьянство. Легко описывать смерти и нужду. Алексей видел смерти от холеры и сам чуть было не оказался на дне морском, видел виселицы, расстрелы, как головы рубят в Кантоне, а очередь обреченных ждет. В любой стране, где бывал, видел бедность.

...После работ многие крестьяне шли с полей и из деревни на реку. Мужик Фома разделся, забрел, стал плавать и подолгу заныривал.

– Вы, Фома, на море жили? – спросил Алексей.

– Мы-то? Не-ет... А кто на море живет, тот воды боится. На речке лучше плавать.

Можно ли человеку никуда не ездить и не спешить, жить у реки, среди берез, найти себе дело. Вот в такие дни хочется остаться здесь навсегда и чтобы время остановилось. Не верилось, что тут все так подточено и бессмысленно, как изображают в романах.

...Начался второй сенокос. Травы в этом году хороши. Алексей шел с наемными косарями из соседней деревни государственных крестьян. На неоседланной лошади прискакала босая Вера, после купанья на заре. Свесила обе ноги на сторону и пошевелила ступнями, выги-

бая во вземе, словно трогала пальцами ледяную воду. По лугу на тихо плетущейся породистой кобыле приближалась Наташа.

– Ну, волжский ухарь, камский зверь... – сказала она, соскочила с лошади и с размаха здорово трянула его за шею. Постояла, посмотрела, залезла на свою лошадь и так же медленно отправилась дальше.

На небе начинался перепляс солнца с облаками. Шло к грозе. Дул теплый ветер. Косцы отбивали косы.

Алексей и Вера сидели на траве.

– Манит даль, – сказала Вера.

Щеки Алексея жарили вовсю, опять проступало юношеское выражение удали, готовность идти на риск очертя голову. А в плену с Алексея сбили спесь, он там притих.

– Ты монархист, крепостник, дружок, – сказала ему Наташа за вечерним чаем на террасе. – Из тебя это выветрится. Ты идеализируешь патриархальность. Не обижайся... Кто больше любит, тот больше бьет.

Дома у отца была комната для занятий. Заботы завода и строившегося корабля не оставляли его. Он много времени проводил за бумагами. Но любил, когда Алексей прерывал его занятия, заходил посидеть и поговорить.

– Не так плохо живется, как все тут запутано, – говорил отец. – Никто не знает, что ему предстоит. Ты прав, народ тут действительно не такой, как орловцы у Тургенева. Там ведь крыши на домах соломенные. Есть нехорошая пословица: «Ливны да Елец всем вора́м отец».

– Я бы поверил в ужасную судьбу, если бы не видал другие примеры. У нас и на корабле, и в Японии были орловцы. И они, как и все матросы, несравнимы с книжными крепостными. Но так принято их изображать... А меня несколько раз спасали от гибели.

А не хлынуть ли тургеневским мужикам на океаны, на острова, которые у нас пустуют, да создать там республику? Пока образованные люди спорят тут о них и никак не разберутся крепостники с народниками. Так думалось молодой голове...

Отец с сыном ехали верхами на полукровках через березовые перелески и поля с валунами. Вокруг много снопов.

Дни стали попрохладней. Купания прекратились. Как говорится, в августе олень помо́чился в воду.

– Пока в Европе создавали мастерские мира, и мы не сидели сложа руки, – говорил отец. – Мы окружили страну крепостями, у нас были изобретения, но все же плохо чистили ружья. Мастера допросов из Третьего отделения, ученики Бенкендорфа, распространяли его вероу́чение. Николай поставил у себя в царском кабинете бю́ст Бенкендорфа после его кончины.

Николай Михайлович тревожился за сына, но уверял себя, что к нему не придерутся. Алексей отгрызется от семи собак.

– У нашего Бенкендорфа свои открытия, не меньшие, чем у английского изобретателя Армстронга. Ты знаешь, что такое летучий полк филеров? Когда тебя сдают с рук на руки, под непрерывным наблюдением, а ты этого не замечаешь.

Миновали улицу с палисадниками.

– В споре партий одни преувеличивают нищету, другие уверяют, что у крестьянина есть навыки и сбит достаток и он готов к современному развитию, если дать землю. А как это сделать? Местный священник написал книгу о здоровье населения на новгородских землях. Он обследовал все семьи и приходит к выводу, что детская смертность велика и здоровье ослабевает. А ведь это потомки наших древних республиканцев.

– Я всегда смотрю на речке, какие парни и ребята.

– Годятся тебе в матросы?

– Конечно.

– В тебя въелась военщина. Ты всех бы одел в форму и заставил бегать по мачтам или лопатить уголь кочегарами.

– Матери приводят детей на купание. В большинстве ребяташки ладные. Я умею узнавать. Служба приучила. Есть тут и калеки. Нищих я в этих деревнях не видал, а подальше, за Куриловкой, есть плохие дома, чувствуется бедность. В службу нищие есть у всех церквей... Есть инвалиды из солдат.

Сейчас летом, в хорошую погоду, когда стояли сухие дни и оправдывались хорошие виды на урожай, Алексею, как полагал отец, все тут нравилось, и он придумывает буколические идиллии.

– Чем любоваться! – сказал отец. – Одними снопами? А школ нет. Больниц нет. Ты бывал в странах, где крепостное право отменено в четырнадцатом веке, и там не все грамотны. Все не сразу делается. Герцен признает, что война показала сильный зародыш.

Алексей сказал, что все крестьяне на заре уже на полях, как и японцы. Китайцев теперь, уже во всем мире, начинают признавать непревзойденными земледельцами. Но у них земля другая. А тут супесь у новгородцев. Многие ходят на заработки в Петербург.

– И мне кажется, что есть излишние надежды на общину после освобождения.

– Наш крестьянин умеет трудиться с сохой. Но живет он так, словно мир не пришел в движение и нет развития Америки, завоеваний в Индии, в Африке, войн в Китае, больших современных флотов, морской пехоты, опиумных кварталов, гигантской торговли, оживляющей и приободряющей человечество, и не существует международных банков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.